

очарование

БЕРТРИС СМОЛЛ

Колдунья
любя

МАМАШАРМ

Очарование (АСТ)

Бертрис Смолл

Колдунья моя

«Издательство АСТ»

1988

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

Смолл Б.

Колдунья моя / Б. Смолл — «Издательство АСТ»,
1988 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-003462-8

Юная бретонская красавица Мэйрин возвращается на родину из Византии после короткого и трагического замужества. Придворные интриги предопределяют ее новый брак – с французским рыцарем Жоссленом де Комбуром, которого она страстно полюбила. Но недолгое счастье внезапно обрывается: безжалостный викинг по прозвищу Длинный Меч похищает прекрасную Мэйрин. Ей удастся спастись, однако между супругами встает стена недоверия и ревности. Трудной и мучительной будет дорога к новому счастью...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

ISBN 978-5-17-003462-8

© Смолл Б., 1988
© Издательство АСТ, 1988

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	32
Часть вторая	47
Глава 4	47
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Бертрис Смолл Колдунья моя

Bertrice Small
ENCHANTRESS MINE

Печатается с разрешения издательства NAL Signet, a member of Penguin Group (USA) Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Bertrice Small, 1988
© Перевод. А. И. Блейз, 1997
© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

* * *

Морган Лливелин с любовью от ее сестры из будущего.

Пролог

Бретань, 1056 год

– Этот ребенок незаконнорожденный, дядя, и об этом надо объявить! – Бланш Сен-Ронан поджала губы, ее жесткие голубые глаза впились в лицо дяди. – Я вышла замуж за Сирена Сен-Ронана и согласилась жить в Аргоате не для того, чтобы мое дитя лишилось всего по вине этого отродья! – Ее тонкие пальцы вцепились в темно-синий шелк пышной юбки. На каждом пальце сверкало золотое кольцо с драгоценным камнем. – Ты должен помочь мне, дядя! Должен!

Епископ Сен-Бриека взглянул на свою племянницу, испытав при этом привычное чувственное удовольствие. Бланш была безукоризненной красавицей: со светло-золотистыми косами, переплетенными цветными лентами, с молочно-розовой кожей и небесно-голубыми глазами. Епископ ощутил легкий укол досады. Бланш годилась в жены королю, но из-за того, что она была младшей дочерью сестры епископа, приданое ей досталось очень маленькое. Родители хотели было отправить Бланш в монастырь, но девушка взбунтовалась, и дядя подержал ее: она слишком хороша, чтобы прятать ее от людских глаз. Епископ устроил ее брак с бароном Сен-Ронаном – отпрыском безупречного бретонского рода и владельцем чудесного поместья, но человеком небогатым.

Сирен Сен-Ронан был вдовцом; от первого брака у него осталась маленькая дочка. Бланш возненавидела девочку с первого взгляда, но до свадьбы с бароном Сен-Ронаном умело скрывала свое отвращение. Теперь же она сама была беременна, и епископ понимал тревогу своей племянницы, однако он был осторожен. Бланш не удастся так просто избавиться от падчерицы. Епископ сделал еще одну попытку вразумить ее:

– Если ты родишь сына, Бланш, то никто не станет оспаривать его право на наследство. Все, что достанется этой девочке, – крохотное приданое. Через год-другой она войдет в возраст, и ее можно будет отослать в семью ее будущего мужа, если же нет, то мы сможем отправить ее в монастырь и покончить с этим. Не стоит беспокоиться, сокровище мое. – Епископ протянул пухлую руку с ямочками и погладил племянницу по шелковистым волосам. – Ты еще молода. Тебе всего четырнадцать лет, у тебя впереди много времени, и ты еще родишь своему супругу много сыновей.

– Сирен умирает, дядя! Другого ребенка не будет! Если родится дочка, то тогда эта девчонка, Мэйрин, унаследует поместье, а мое дитя останется ни с чем! Ты не можешь допустить, чтобы это произошло, дядя! Не можешь! – В голосе ее зазвенели нотки близкой истерики. – Я ношу под сердцем девочку, дядя. Это она сказала! Помогите мне!

– Пока ребенок не родится, Бланш, никто не сможет сказать, мальчик это или девочка. Кто сказал тебе, что ты носишь дочку? Неужели ты слушаешь этих деревенских старух с их рассказами и приметами?

– Это сказала Мэйрин, дядя. Ты ведь знаешь, что эта девчонка ясновидящая! Здесь, в Бретани, мы не можем закрывать глаза на подобные вещи, ведь мы происходим из кельтского рода. Несколько недель назад она спросила меня: «Как вы себя чувствуете сегодня, миледи Бланш? А как чувствует себя моя маленькая сестренка?» Сирен был со мной, это случилось еще до того несчастья. Он поднял эту проклятую девчонку на руки и спросил: «Значит, ты увидела, что у тебя будет сестра, Мэйрин?» А она ответила: «Да, отец. Это сестричка, и она будет такой же хорошенькой, как леди Бланш».

Епископ откинулся на спинку кресла и задумался над словами племянницы. Церковь не одобряла ясновидцев, но, как справедливо заметила Бланш, они жили в Бретани. Они действительно были потомками кельтов, и что бы там ни говорила церковь, бретонцы верили в ясновидение. Падчерица его племянницы на самом деле владела этим даром, хотя ей всего пять с

половиной лет и она еще не научилась как следует управлять им. Если Сирен Сен-Ронан умрет от ран, а ребенок Бланш окажется девочкой, их семья наверняка потеряет земли Сен-Ронана, поскольку наследницей станет старшая дочь. Мэйрин – здоровый ребенок, и хотя сам епископ никогда бы не решился на насилие против малышки, его племянница сейчас была готова на все.

– А что говорят лекари о состоянии твоего мужа, сокровище мое? – мягко поинтересовался епископ. – Они действительно убеждены, что он умирает?

– Да, – раздраженно ответила Бланш. – Он в ужасном состоянии, дядя, слабеет день ото дня, и доктор уже простился с надеждой. Я овдовею задолго до того, как родится мой ребенок! И все из-за того, что Сирен и граф де Комбур вздумали играть в эту дурацкую игру! Может быть, граф будет заботиться обо мне и моем ребенке, когда Сирен умрет? Как бы не так! Он виноват, а я должна страдать!

– Бланш, Бланш, – успокаивающе проговорил епископ, сжимая толстой ручкой ее изящное плечо. – Сирен дружил с графом с детских лет, и они играли в свою любимую игру, как всегда, когда граф приезжал в Ландерно. Чтобы перепрыгнуть верхом на лошади замковый ров, нужно большое искусство, и оба они в прошлом часто падали в воду. Сирену просто не повезло, что на сей раз его придавила лошадь и он наглотался воды.

– Да, – с горечью отозвалась Бланш Сен-Ронан, – действительно, не повезло, дядя, но теперь мне придется самой заботиться о моем ребенке. И чтобы мое дитя не стало несчастным, Мэйрин надо объявить незаконнорожденной. Почему я должна беспокоиться о том, что станет с Мэйрин? Она не моя дочь! Почему я должна думать о будущем этого отродья ирландской дикарки? Если дожждаться смерти Сирена, люди скажут, что я оклеветала эту девчонку, но если ты поможешь мне сейчас, милый дядюшка, разве кто-нибудь осмелится обсуждать решение церкви? Если сделать это до смерти мужа и если он не станет протестовать, кто посмеет осуждать меня?

– Сирен Сен-Ронан любит свою дочь, Бланш. Он не допустит, чтобы ее объявили незаконнорожденной.

– Сирен Сен-Ронан ничего об этом не узнает, дядя. Как только дело будет сделано, к нему не приблизится никто, кроме меня и моих преданных слуг. И люди воспримут его молчание как знак согласия! – Бланш торжествующе улыбнулась епископу, и ее мелкие ровные зубки ослепительно сверкнули между розовыми губками.

– Что именно ты хочешь от меня, Бланш? – Епископ подумал, что его племянница, видимо, очень тщательно поразмыслила об этом деле. Решимость ее восхищала.

– Церковь должна объявить, что Мэйрин Сен-Ронан рождена вне брака и потому не имеет права унаследовать поместье своего отца, – спокойно ответила Бланш. – Церковь должна объявить, что настоящим наследником Сирена Сен-Ронана станет ребенок, которого я ношу под сердцем.

– Но на каких основаниях, Бланш? Чтобы лишить наследства маленькую Мэйрин, нам понадобится законное доказательство, иначе меня обвинят в клевете.

– Дядя! Я знаю наверняка, что свидетельства о браке моего супруга с матерью этой девчонки не существует. Эту женщину не видел в Бретани ни один человек. Она ведь была ирландкой и, как утверждают, умерла в Ирландии, так что Сирен не успел привезти ее сюда. Однако доказательств этому не существует. Эту девчонку признали только со слов моего мужа.

– Как звали ее мать? – спросил епископ. – Тебе известно о ней что-нибудь?

– Ее звали Мэйр Тир Коннелл. Сирен говорил, что она была из королевского рода, но я не верю ни единому его слову! Я уверена, что она какая-нибудь деревенская дикарка, с которой милорд забавлялся, пока жил в Ирландии. Говорят, мой муж в юности был весьма необуздан. Знаешь ли, дядя, эта развратница могла родить девчонку и не от него! Возможно, Мэйр Тир Коннелл действительно умерла, а Сирен взял ее ребенка на воспитание. Ты ведь знаешь, какой

он мягкосердечный. Так разве можем мы допустить, чтобы Ландерно попало в руки внебрачной дочери, рожденной неизвестно от кого, да еще при том, что я скоро рожу законного наследника поместья?

– А что делал барон Сен-Ронан в Ирландии? – полюбопытствовал епископ.

– Мать Сирена была ирландкой. Когда его отец умер, она вышла замуж за своего старого друга, с которым выросла вместе в Ирландии. Через несколько лет она заболела, и отчим моего супруга послал за ним, чтобы он простился с матерью. Тогда-то он и встретил Мэйр Тир Коннелл и, по его уверениям, женился на ней. Но он никогда не показывал мне свидетельства об этом браке, дядя, и сама я не смогла найти никакого подтверждающего документа. Поверь мне, я очень хорошо искала.

Епископ сдержанно улыбнулся. Он не сомневался, что его обожаемая Бланш действительно усердно искала документ о первом браке своего мужа, чтобы уничтожить его.

– Когда эта ирландка родила милорду дочку, она чувствовала себя очень плохо, – продолжала Бланш. – Сирен вернулся в Бретань, оставив ее набираться сил перед долгим путешествием в Ландерно. Он не был в своем поместье больше года и беспокоился о том, как здесь идут дела. Его мать умерла вскоре после рождения Мэйрин. А когда Сирен снова приехал в Ирландию, чтобы забрать эту женщину и ее ребенка, то узнал, что Мэйр тоже умерла. Он привез ее дочку в Бретань. Это он так говорит, дядя, но мне кажется, что он просто пытается защитить внебрачного ребенка. Этот брак не подтвержден никаким документом!

– Ты уверена, моя малышка?

Если это правда, подумал епископ, то его смышленная племянница, похоже, действительно нашла способ лишиться наследства свою падчерицу.

– Абсолютно уверена, дядя, – твердо ответила Бланш.

– А как насчет того великана ирландца, который охраняет девочку, сокровище мое? Помоему, он был рабом матери Мэйрин. Возможно, ему известна правда. Ты не говорила с ним?

– Дагда? Он не сможет сообщить нам ничего ценного, дядя. Он до невозможности глуп. Если ты поможешь мне, мы без труда добьемся своего!

Епископ Сен-Бриека благосклонно улыбнулся своей любимой племяннице, снова подумав о том, как она хороша собой. У Бланш было безошибочное чувство стиля. Синее платье, которое она надела сегодня, удивительно шло к ее светлым волосам и прекрасным голубым глазам. пышная юбка лишь чуть-чуть темнее, чем туника с воротом и манжетами, расшитыми золотой нитью и крохотными речными жемчужинами. Золотистые косы, переплетенные розовыми лентами, уложены в завитки вокруг ушей, как требовала мода; прическу поддерживал тонкий золотой обруч, украшенный сверкающими самоцветами. «Да, Бланш просто великолепна», – с гордостью подумал епископ. Она заслуживала блестящей партии.

– Если ты уверена в том, что говоришь, Бланш, – произнес он с одобрительной улыбкой, – то я постараюсь помочь тебе в этом деле. В отличие от своего легкомысленного супруга, малышка моя, ты получишь документ с подписью и печатью, который подтвердит правоту твоих слов. Мэйрин Сен-Ронан будет объявлена незаконнорожденной и не сможет унаследовать владения своего отца. Земли Сирена Сен-Ронана будут принадлежать только твоему ребенку, а ты станешь управлять ими до тех пор, пока твой ребенок не вступит в брак, будь то девочка, или не достигнет совершеннолетия, если родится мальчик. Ты довольна?

Бланш вскочила со скамьи и обвила руками шею дяди, как она обычно делала в детстве. Затем с лукавой улыбкой уселась на его пухлые колени, вызывая поерзав ягодицами.

– Ах, дядюшка, – ласково проговорила она, заглядывая в его полное лицо. – Ты всегда так добр ко мне!

Епископ лучезарно улыбнулся ей в ответ, чувствуя, как у него слегка перехватило дыхание. Его окутал чудесный аромат благовоний, которыми так искусно пользовалась Бланш. Сегодня она благоухала, как ночная лилия.

– Милая Бланш, – ответил он, погладив ее по изящной ручке, – разве может быть иначе? Я обожаю тебя, и ты прекрасно это знаешь, моя плутовка.

Бланш Сен-Ронан крепко прижалась к своему дяде. Кончик ее розового языка дразняще прикоснулся к его полным губам.

– Пусть будет так, как было раньше, пока я не уехала в Ландерно! – хрипловато прошептала она. – Давай займемся любовью!

Дыхание епископа стало тяжелым и частым; не выдержав, он сжал грудь своей племянницы со стоном, выдававшим вспыхнувшую страсть.

– Ты беременна, и я боюсь причинить тебе вред, моя малышка, – для вида возразил он.

– Дядюшка, дорогой! – Бланш обдала его ухо жарким дыханием. – У меня даже живот еще не округлился. Ты не причинишь никакого вреда, а я сгораю от желания! Меня выдали замуж за слабого, отвратительного человека, который никогда не был таким мужественным, как ты. Не понимаю, зачем ему вообще понадобилась жена. – Она слегка лизнула ухо епископа.

– Тебе повезло, что он решил жениться, малышка моя! Иначе ты сидела бы взаперти в монастыре, а не купалась бы в роскоши, – напомнил ей епископ, чувствуя, как его естество начинает требовать своего.

– Но он никогда не сравнится бы с тобой, дядя, – недовольно надув губки, отозвалась Бланш. – Я приду в твои покои, как только отдам нужные распоряжения в замке, – добавила она и улыбнулась, обнажив безупречно белые зубы. – Милый мой дядюшка, ты ведь не откажешься утешить меня в моем несчастье?

Сердце епископа колотилось от возбуждения; он чувствовал, как страсть к очаровательной племяннице возрастает в нем с каждым мгновением. Он взял ее девственность в исповедальне, когда ей было двенадцать лет, и сейчас, когда Бланш ласкалась к нему, он вспомнил, как обладал ею прежде. Это случалось неоднократно, и каждый раз Бланш оказывалась восхитительно ненасытной. Только сейчас епископ в полной мере понял, как ему не доставало милой племянницы с тех пор, как она вышла замуж за Сирена Сен-Ронана. Хотя жаловаться на одиночество ему не приходилось, ни одна женщина не вызывала в нем такой страсти, как Бланш. Протянув руку, он погладил ее по бархатистой щеке и проговорил благочестивым тоном:

– Двери моей комнаты будут открыты для тебя, дорогая племянница, если ты пожелаешь явиться ко мне на исповедь нынче вечером.

– Я приду и с радостью исполню любую епитимью, которую ты наложишь на меня, дядюшка, – с притворной застенчивостью отозвалась Бланш.

Когда она вышла из комнаты, на лице ее вспыхнула торжествующая улыбка: она не сомневалась в том, что добилась успеха. Она очень быстро научилась использовать свое тело как могущественное оружие в борьбе между полами. Эта девчонка, Мэйрин, лишится наследства и уберется прочь из поместья. Ребенок Бланш унаследует земли Сен-Ронана! Бланш возблагодарила Бога и Пресвятую Богоматерь за то, что ее дядя так похотлив. Ведь иначе она и ее ребенок были бы вынуждены рассчитывать на милость этого маленького отродья. Бланш решила, что как только дело уладится, надо избавиться от этой девчонки как можно скорее. Когда церковь объявит Мэйрин незаконнорожденной, у людей начнут чесаться языки, но если Мэйрин исчезнет, то это несколько успокоит зуд в языках. К тому же, кто захочет встать на сторону незаконного ребенка и пойти против законной вдовы хозяина поместья? Леди Сен-Ронан не очень-то беспокоилась о том, что будут думать о ней люди, когда она станет победительницей. Бланш Сен-Ронан широко улыбнулась, но глаза ее остались холодными.

Часть первая

Англия, 1056 – 1063

ДОЧЬ САКСОНЦА

Глава 1

В аргоатском лесу стояла тишина, лишь изредка нарушаемая трелью птицы или тихим шелестом ветра в листве. Кроны берез и дубов гордо парили в недостижимой высоте; крепкие, покрытые зеленью ветви тянулись к животворному солнечному теплу. Под деревьями лежали огромные замшелые валуны, за долгие столетия принявшие под ветром и дождями причудливые, странные формы. Следуя почти неразличимой тропкой, вьющейся среди этих диковинных глыб, можно было выйти к ручью, бесшумно огибающему камни, круто сворачивающему вбок и теряющемуся где-то в лесной глуши.

Теплые лучи августовского солнца пробивались сквозь густую листву, заливая землю зеленоватым светом и скользя по глади темного озера на поляну, где остановился огромный олень с ветвистой короной рогов, пришедший на водопой. Солнечный блик коснулся его коричневой бархатной кожи, но великолепное животное чувствовало себя так уверенно в этом волшебном царстве, что даже не подняло голову и лишь скосило влажные глаза на еле слышный шорох в подлеске, расступившемся, чтобы пропустить на зачарованную поляну крошечного гостя. Это был ребенок. Маленькая девочка, настолько хрупкая и изящно сложенная, что казалось, легкого ветерка достаточно, чтобы подхватить ее и поднять в воздух.

Увидев оленя, Мэйрин Сен-Ронан остановилась и поздоровалась с ним.

– Привет, Хирн! – раздался тонкий детский голосок, и олень снова наклонил голову к воде, чувствуя, что перед ним друг.

Белоснежная, почти прозрачная кожа девочки казалась светящейся. Волосы ее в солнечном свете сияли медным блеском; те, кто впервые видел эту огненно-рыжую маленькую красавицу, неизменно поражались необычному цвету ее волос. Некоторые даже дотрагивались до удивительно мягкого шелковистого облака, окутывавшего ее головку, словно не веря собственным глазам и желая убедиться на ощупь в том, что такое чудо возможно. И впрямь трудно поверить, что ребенок в таком нежном возрасте уже может быть настолько прекрасным; видевшие ее невольно начинали гадать, что же будет, когда она вырастет. Впрочем, девочка уже и сейчас была развита не по годам, и в сочетании с редчайшей красотой это производило на многих странное впечатление. Ходили даже слухи, что она бывает у старухи Кателлы, известной в округе ведьмы, и поскольку девочка проявила необычные способности к целительству, многие считали ее юной колдуньей. В конце концов разве не в Бретани жили великий чародей Мерлин и знаменитая волшебница Вивиана?

Девочка подбежала к берегу озера и, опустившись на колени, на мгновение погрузила ладонку в черную воду и отряхнула прохладные капли. Из темного гладкого зеркала на Мэйрин взглянуло ее отражение, и, рассматривая его, девочка увидела маленький квадратный подбородок, короткий прямой носик (отец уверял ее, что он в конце концов вырастет) и рот, о котором ее мачеха как-то сказала, что он чересчур велик и даже несколько вульгарен для девушки знатного рода. Мэйрин слегка скривила губы, глядя на свое лицо. Она знала заклинания и чары, которые могли бы выбелить кожу и осветлить волосы, но как изменить форму рта, ей было неизвестно.

Что до леди Бланш с ее холодными голубыми глазами и губами, похожими на бутон розы, которые вечно надувались от недовольства, то Мэйрин прекрасно отдавала себе отчет в том,

что новая жена отца не любит ее, хотя и не понимала почему. Мэйрин была счастлива, что ее отец наконец вступил в брак: она знала, что ему нужен сын. Но сына не будет: Мэйрин точно знала, что ее мачеха родит дочку, а ее отец, как ни тяжело об этом думать, лежал при смерти. Мэйрин прочла это в его печальных глазах. Слеза скатилась по щеке, но Мэйрин досадливо смахнула ее. Смерть всего лишь врата в иную жизнь. И Мэйрин ничего не могла поделать, чтобы изменить судьбу отца.

Пожав плечами, она поднялась с колен и, как всегда, поблагодарила озеро за то, что оно позволило ей полюбоваться в зеркало. Затем она пошла вдоль берега, внимательно смотря под ноги в поисках растений, которые могли бы пригодиться ей или старой Кателле, ведьме, живущей в этих лесах, которая научила ее, как исцелять болезни.

Ей попалось несколько опавших зеленых желудей, но желуди хороши лишь тогда, когда полностью созреют, и Мэйрин не обратила на них внимания. В траве лежали сосновые шишки, но лучшие шишки – те, что уже с семенами. Мэйрин собирала их поздней весной, когда они только что осыпались и белки и птицы еще не успели до них добраться. Но вот на сухом каменистом клочке земли она обнаружила несколько кустов каперсов. Она осторожно ощипала кусты и сложила каперсы в подвешенный к поясу льняной кошелек. Отвар из каперсов прекрасно помогал от зубной боли, но пользоваться им следовало очень осторожно, поскольку каперсы также выводили с мочой кровь и сперму и единственным противоядием мог служить яблочный уксус.

– Мэйрин!

Девочка обернулась, губы ее раздвинулись в широкой улыбке.

– Дагда! Как такой большой человек может подкрадываться так неслышно? – с удивлением спросила она. – У меня слух острый, как у лисы, а я почти никогда не слышу, как ты подходишь.

Дагда, настоящий гигант семи футов роста с гривой спутанных серебристо-белых волос, улыбнулся в ответ малышке. Уголки его темно-голубых глаз приподнялись; в глазах светилась искренняя, глубокая любовь и привязанность к Мэйрин Сен-Ронан. Он воспитал ее, как когда-то воспитал ее мать. Перед смертью Мэйр Тир Коннелл умоляла его позаботиться о Мэйрин так же, как он заботился о ней самой. Дагда, естественно, согласился, и тогда Мэйр отпустила его на свободу, дрожащими пальцами сняв с его крепкой шеи ошейник раба и с грустным вздохом легко коснувшись застарелого рубца. Дагда взял ее руку и поцеловал эти хрупкие пальчики, а по его лицу покатились слезы, которых он не стыдился.

Потом Мэйр Тир Коннелл умерла. Она скончалась на его руках, душа с легким вздохом покинула ее страдавшееся тело, но Дагда еще долгое время продолжал обнимать ее: он не мог поверить, что эта женщина, полная любви и жизни, теперь мертва. Наконец пришли старухи, осторожно высвободили тело Мэйр Тир Коннелл из его рук и унесли покойную, чтобы подготовить ее к погребальным обрядам. С тех пор минуло пять лет.

Когда Мэйрин исполнился год, ее отец вернулся в Ирландию за женой и дочерью. Сирену Сен-Ронану показали могилу его жены и красавицу дочку. Он пролил горькие слезы о Мэйр Тир Коннелл. Потом напился и пил целую неделю. Наконец, взяв себя в руки, он предстал перед королем, отцом его покойной жены. Было решено, что Мэйрин отправится в Бретань со своим отцом. Дагда поехал с ними. Ведь он дал слово Мэйр Тир Коннелл, и только смерть заставит его нарушить эту клятву.

В Бретани ему жилось хорошо: Сирен Сен-Ронан, барон де Ландерно, был добрым человеком. Он не стал перечить последней воле своей покойной жены в том, что касалось их дочери. Ведь Дагда воспитал Мэйр Тир Коннелл, и в глазах Сирена она была совершенством. Сирен надеялся, что его маленькая дочь, Мэйрин, вырастет такой же чудесной женщиной, если ее будет воспитывать этот ласковый великан. Итак, несмотря на болтливые языки деревен-

ских тетушек и скрытое неодобрение престарелых родственников Сирена Сен-Ронана, Дагда остался нянкой и охранником единственного ребенка барона де Ландерно.

И вот сейчас, глядя на вверенное ему сокровище, Дагда покачал косматой серебристой головой и подумал, что, с тех пор как в их жизнь вошла леди Бланш, можно считать большим везением, что именно ему удалось стать сторожевым псом Мэйрин.

Вторая жена Сирена Сен-Ронана оказалась злой и жестокой женщиной. Дагда мысленно сравнивал ее с золотистой розой в полном цвету, которая кажется идеально прекрасной до тех пор, пока ты не наклонишься и не вдохнешь ее аромат, чтобы обнаружить, что она источает запах гниения.

О да! Сейчас Мэйрин особенно нуждалась в его защите. Сейчас особенно. Нагнувшись, он подхватил на руки свою маленькую госпожу.

– Твой отец, – тихо произнес он без лишних вступлений, – только что умер. Что бы ни случилось теперь, ты не должна бояться, потому что я с тобой, моя маленькая леди. Ты меня понимаешь?

Лицо девочки исказилось от горя. Мэйрин знала, что он скажет ей, еще до того, как Дагда заговорил. Отец покинул ее, и она осталась одна. Не сдержавшись, она тихонько всхлипнула, но тут же овладела собой и спросила:

– Он хотел увидеть меня, Дагда? Мой отец спрашивал обо мне перед смертью?

– Да, но она сделала вид, что тебя не могут найти, а потом ее дядя, этот коварный епископ, начал возиться с последней исповедью и отпущением грехов.

По нежной щеке девочки скатилась слеза.

– Ох, Дагда, – вырвалось у нее, – почему леди Бланш так меня ненавидит? Почему она не дала мне проститься с отцом?

– Она завидует тебе, дитя мое. Да и как ей не завидовать? Твой отец любил тебя больше всех на свете, больше, чем саму леди Бланш. И теперь она будет воевать с тобой, чтобы защитить ребенка, которого родит через несколько месяцев.

– Но я не причиню вреда своей сестре, Дагда, – наивно удивилась Мэйрин.

– Конечно, нет, – успокаивающе ответил тот, – но она боится тебя вовсе не поэтому. Ты – наследница своего отца, Мэйрин. Теперь, когда Сирен Сен-Ронан, барон де Ландерно, умер, дитя мое, ты станешь баронессой де Ландерно. Леди Бланш и ее ребенок будут зависеть от твоей милости. Вот чего боится эта негодница.

– Но я ничего у них не отберу! – возразила Мэйрин. – Разве отец Каолан не научил меня почитать родителей, и разве леди Бланш не приходится мне мачехой?

Дагда глубоко вздохнул. Как объяснить такому ласковому и невинному ребенку, как Мэйрин, всю продажность и жадность рода человеческого? Мудрость Мэйрин другого рода, и в некотором смысле в этом повинен сам Дагда, побуждавший ее изучать древние обычаи предков. Она никогда не сталкивалась с себялюбием и алчностью, а леди Бланш обладала этими качествами в избытке, и Дагда боялся за доверенную ему девочку. Если нужно, он сумеет защитить ее жизнь, но сейчас он не знал, откуда придет первый удар.

– Мы должны вернуться в замок, – произнес он. – Если задержимся, они обеспокоятся и пошлют кого-нибудь на розыски.

Мэйрин крепко прижалась к своему защитнику.

– Прошу тебя, Дагда, давай зайдем к старой Кателле. Я набрала каперсов и хочу оставить их у нее. Ведь я не знаю, когда увижусь с ней снова. – Внезапно Мэйрин вздрогнула и резко вскрикнула: – Стой, Дагда!

– Что случилось, дитя мое? – Дагда замедлил шаг.

– Опусть меня на землю, – попросила она. Дагда повиновался, и Мэйрин, подняв голову, заглянула ему в лицо. По щекам ее струились слезы. – Я больше никогда не увижу этих мест, Дагда! Я только что поняла это. Я больше не вернусь в этот лес.

– Ты чувствуешь какую-то опасность? – спросил Дагда, ни на мгновение не усомнившись в ее словах.

Некоторое время Мэйрин молчала в задумчивости, а потом медленно проговорила:

– Не для моей жизни, Дагда. Нет, моей жизни ничто не угрожает. – Она повернулась и бросилась бежать обратно по тропинке к темному пруду. Остановившись у воды, она обвела взглядом деревья, озеро и камни. – Прощайте, друзья мои. Я никогда не забуду, как вы были добры ко мне. Я буду помнить о вас всю жизнь!

Дагде, стоявшему поодаль и смотревшему на нее, показалось, что деревья склонили к девочке свои тяжелые ветви, а вода в спокойном озере слегка всколыхнулась. «Она волшебница, – подумал Дагда. – У нее есть чудесный дар. Если бы мы остались здесь, старая Кателла передала бы ей старинные знания. Ведь моей маленькой колдунье понадобится гораздо больше, чем смогу дать ей я». Мэйрин подошла к нему и вложила свою маленькую ручку в его ладонь. Они двинулись по тропинке к замку. Старая Кателла была забыта: день клонился к закату, и времени оставалось совсем мало.

Вскоре они увидели спешащую им навстречу старую кормилицу Мэйрин, Мелани.

– Скорее, скорее, милые мои. Она уже пришла в ярость, что вас нигде нет. Надо поторопиться!

– Сперва госпожа должна умыться и переодеться, – твердо возразил Дагда.

– Ох, Пресвятая Мария! Что же я ей скажу? Она требует, чтобы маленькую госпожу немедленно привели к ней!

– Когда добрый барон Сирен лежал при смерти, она была не так тороплива. Она запретила людям разыскать госпожу и не дала ей проститься с отцом. Она просто злодейка! Что бы там ни было, госпожа Мэйрин не явится к ней в таком виде!

Мелани кивнула в знак согласия и перекрестилась, чтобы Господь послал ей удачу. Ее сестра, дочь которой прислуживала епископу Сен-Бриека, сообщила ей ужасную новость. Она была уверена, что Дагда не знает об этих слухах, поскольку последние несколько недель он особенно бдительно присматривал за маленькой госпожой и не тратил времени на болтовню со сплетницами. Мелани размышляла, дошли ли слухи до барона Сен-Ронана. И если да, то почему он не опроверг их? Значит, это правда! Впрочем, правда это или нет, Бланш Сен-Ронан причинит много неприятностей ее питомице, подумала Мелани.

– Я отвлеку стражников у опускной решетки, когда вы будете проходить в ворота, – сказала она и усмехнулась, представив себе Дагду, пытающегося незаметно проскользнуть мимо охраны.

Все же с помощью Мелани им удалось проникнуть в замок быстро и не привлекая к себе внимания. Взяв Мэйрин на руки, Дагда поднялся по лестнице в маленькую комнатку, принадлежавшую наследнице замка. Опустив ее на пол, он подтолкнул ее в отгороженную спальню, шепнув ей вслед:

– Поторопись! Умойся и причешись. Не забудь надеть обе туфли! Переоденься в чистое. У нас мало времени!

Не чувствуя ни малейшего страха, Мэйрин плеснула воды из кувшина в серебряный тазик и смыла грязь с лица, рук и шеи. Сбросив с себя пыльную одежду, она открыла сундук и достала чистую льняную сорочку и шелковое платье золотистого цвета с длинными пышными рукавами, расшитое у ворота и вдоль подола синими и зелеными шелковыми нитями и маленькими жемчужинами. Одевшись и подпоясавшись поясом с такой же вышивкой, Мэйрин обула мягкие туфли из красной кожи. Затем, взяв щетку, быстро расчесала свои густые волосы и аккуратно заплела их в косы, завязав зелеными лентами. Наконец, она надела тяжелое ожерелье из красного золота, украшенное кельтской эмалью, и торопливо выбежала из комнаты, где ожидал Дагда.

Войдя в большой зал замка, она быстрым шагом подошла к своей мачехе и, опустившись перед ней на колени, произнесла:

– Я скорблю вместе с вами, миледи Бланш. Я опечалена утратой отца. – Мэйрин заметила, что епископ Сен-Бриека сидел рядом со своей племянницей и буквально пожирал ее своими порсящими глазками.

Бланш Сен-Ронан, в своем любимом синем наряде, с серебристой прозрачной накидкой на голове, с неприкрытой злобой уставилась на девочку, так покорно склонившуюся у ее ног. Как эта мерзавка смеет являться перед ней в таких роскошных одеждах!

– Сегодня ты покинешь Ландерно, – холодно проговорила она. – Мне и так слишком долго пришлось терпеть твое присутствие. Я делала это только во имя глубокой любви, которую питала к твоему отцу. Но теперь он мертв, и мне больше не нужно выносить его незаконное отродье в стенах моего замка!

Девочка в замешательстве взглянула на мачеху.

– Покину Ландерно? – переспросила она. – Мадам, я вас не понимаю. Я – наследница Ландерно. Я не могу покинуть свою землю.

– Наследница Ландерно? – Бланш презрительно фыркнула. – Ты родилась вне брака! Как ты можешь быть наследницей своего отца? – Да как эта негодница смеет идти против ее власти! Голос Бланш сорвался на крик. – Он прижил тебя от шлюхи! От грязной ирландской дикарки! Вот так наследница сыскалась! Посмотрите только на нее! Наследником Ландерно будет мой ребенок! Мой законный ребенок!

Мэйрин вскочила на ноги. Глаза ее сверкали гневом и испугом.

– Я – не внебрачная дочь! – яростно воскликнула она. – Я – законная дочь моего отца, как и тот ребенок, которого вы носите под сердцем, мадам. И если этот ребенок не окажется мальчиком – а он им не окажется! – то наследницей Ландерно буду я! Вы не имеете права выгонять меня! Я никуда не пойду!

Бланш Сен-Ронан изо всех сил боролась с желанием наброситься на эту маленькую мерзавку. Она совсем не так представляла себе этот разговор. Она думала, что без хлопот отошлет Мэйрин из Ландерно и на этом дело кончится. И то, что девчонка посмела перечить ей, окончательно разъярило Бланш.

– Не пойдешь? – взвизгнула она. – Пойдешь как миленькая! Ведь ты не так глупа и должна понять, что я тебе говорю. Документов, подтверждающих брак между твоими родителями, не существует, и поэтому церковь объявила тебя незаконнорожденной. Ты осмелишься спорить с церковью?

– Церковь? – насмешливо проговорила Мэйрин. – Вы, мадам, вероятно, имеете в виду своего дядю, этого жирного епископа Сен-Бриека, который даже сейчас, сидя рядом с вами, воображает, как будет ласкать ваши прелести? Возможно, я всего лишь ребенок, но я действительно не глупа!

Голубые глаза Бланш Сен-Ронан округлились и едва не вывалились из орбит. Лицо ее вспыхнуло, затем побелело; она ловила ртом воздух, как рыба, выброшенная на сушу. Схватившись за живот, она завизжала:

– Уберите с моих глаз эту дрянь! Я не хочу ее больше видеть! – Задыхаясь, она откинулась на спинку кресла. – Эта гадкая девчонка смеет оскорблять меня в такую минуту, когда я убита горем! Она сглазит мое дитя! – Бланш с жаром перекрестилась.

Дагда подбежал к своей маленькой госпоже, но Мэйрин отмахнулась от него. Внезапно всем присутствующим показалось, что она стала выше ростом. Глаза ее, потемневшие от гнева, полыхали огнем.

– Вы, конечно, можете выгнать меня из Ландерно, мадам, но все, что вы планируете со своим дядей, никогда не осуществится. Вы хотели власти? Но Ландерно никогда не будет

вашим, вы никогда не узнаете настоящего счастья! – Мэйрин подняла руку и обвиняюще указала пальцем на свою мачеху. – Вы прокляты, мадам!

Бланш Сен-Ронан взвизгнула от ужаса и крикнула:

– Уберите это отродье долой с моих глаз! И впредь никогда не пускайте ее ко мне! Она должна убраться из Ландерно до наступления ночи! – И женщина снова откинулась на спинку кресла, а служанки столпились вокруг нее, сочувственно охая и вздыхая, поднося к ее губам кубок с вином.

В зале, несколько секунд назад испуганно притихшем, теперь стало на удивление шумно. Все слуги и жители замка прекрасно помнили, как Мэйрин приехала с отцом из Ирландии пять лет назад. Все слышали, как Сирен Сен-Ронан много раз рассказывал о своей любимой первой жене, Мэйр Тир Коннелл. Они не могли поверить в то, что сказала леди Бланш. Но если в это дело вмешалась церковь, они не смели ничего возразить. И даже те, кто в душе согласился с обвинениями Мэйрин в адрес дядюшки леди Бланш, должны были помалкивать, ибо их привязывали к Ландерно долг службы, узы преданности и традиция. Эта скорбящая вдова могла бы превратить их жизнь в суший ад. Опустив глаза, слуги отвернулись от девочки, исполненные стыда и страха.

Высоко подняв голову, Мэйрин вышла из зала в сопровождении Дагды. Сердце ее бешено билось от страха, но никто бы не заподозрил этого, ибо держалась она величаво и гордо. Ей придется покинуть Ландерно, единственный ее дом, но куда же она теперь пойдет? Как она теперь сможет выжить?

Сразу у дверей зала ее остановил сенешаль Айво. Он произнес извиняющимся тоном:

– Вы должны идти со мной, госпожа.

Мэйрин в замешательстве взглянула на него, а Дагда напрямую спросил:

– Куда?

– Ты ничего не сможешь поделать, Дагда, – сказал сенешаль. – Церковь на стороне леди Бланш, и все уже решено.

– Что она собирается сделать с моей маленькой госпожой, Айво?

Сенешаль какое-то мгновение колебался, но затем шепотом ответил:

– Она продала девочку работоторговцу из Англии, Дагда. Сейчас я должен передать ему госпожу. – Он крепко взял великана за руку. – Что мне оставалось делать, Дагда? Она была женой моего господина, а теперь мой господин умер. Теперь леди Бланш – хозяйка замка. Разве я мог послушаться приказа вдовы моего господина? Не мог. Я всего лишь слуга. Ты думаешь, у меня самого сердце не разрывается на части? – Он наклонился и погладил Мэйрин по голове. – Маленькая госпожа выросла у меня на глазах и превратилась в настоящую красавицу. – Темные глаза сенешаля наполнились слезами. – Я ничего не могу поделать, – беспомощно повторил он.

– Отведи меня к моему отцу, Айво, – сказала Мэйрин и, видя, что сенешаль в нерешительности, добавила: – Это – мое право. Неужели ты откажешь мне в последнем прощании с ним, как это сделала леди Бланш? Я не внебрачная дочь, но даже если бы и родилась вне закона, Сирен Сен-Ронан – все равно мой отец.

Расстроено покачивая головой, Айво повел их в часовню. Мэйрин без спутников вошла в келью, где лежало на погребальных носилках тело ее отца. В изголовье и у ног его горели свечи. Сирен Сен-Ронан был красивым, светлокочим и темноволосым мужчиной; в уголках его глаз виднелись сеточки морщин, поскольку барон де Ландерно при жизни любил посмеяться. Опустившись на колени, Мэйрин заговорила с ним, как с живым. Сирен Сен-Ронан остался красивым и после смерти, унесшей заботы живущих и разгладившей его высокий лоб.

– Теперь ты соединился с моей матерью, отец, и я знаю, что вы оба счастливы этой встрече. Но мне так страшно! Леди Бланш выгоняет меня из Ландерно. Я не смогу приходить на твою могилу, не смогу позаботиться о наших людях, но, где бы я ни была, я всегда буду молиться за тебя. Прошу тебя, охраняй меня! Дагда говорит, что он меня никогда не поки-

нет, и все же я очень боюсь. Помогите мне быть отважной, отец! Я не опозорю твоего имени! – Головка Мэйрин склонилась на край носилок, по ее лицу снова заструились горячие слезы. Хрупкие плечи ее затряслись от рыданий, но вскоре плач стал тише и вовсе умолк. Глубоко вздохнув, девочка поднялась на ноги, вытерла лицо ладонями и, наклонившись, поцеловала отца в остывший лоб. Затем повернулась и вышла из часовни, больше не взглянув на носилки.

– Я соберу вещи, – тихо сказала она Айво, – и сейчас же покину замок.

– Она запретила вам брать с собой какие-либо вещи, – ответил сенешаль. – Говорит, что вы не имеете права уносить что-либо из Ландерно, потому что все здесь принадлежит ее ребенку.

– Среди моих вещей нет таких, которые принадлежат Ландерно, Айво. У меня только одежда и несколько безделушек, которые мне подарил отец.

– Я не могу позволить вам этого, миледи Мэйрин. Вы должны немедленно идти со мной. Работотровец уже ждет.

– Девочка должна взять плащ, Айво, – тихо произнес Дагда, но в словах ирландца сенешаль почувствовал невысказанную угрозу.

– Хорошо, – уступил он, – но поторопитесь, во имя Богоматери, иначе она придет в себя и вызовет меня. Что со мной станет, Дагда, если я потеряю свое место?

– Оставайся с Айво, дитя мое, – велел Дагда своей юной подопечной, а затем обратился к сенешалю: – Я вернусь через минуту. – Он торопливо зашагал вверх по узкой каменной лестнице, ведущей в комнатку, которая уже больше не принадлежала Мэйрин. Распахнув дверь, он с удивлением обнаружил в комнате Мелани.

– Вот, держи! – Кормилица вручила ему аккуратно увязанный сверток.

– Что это? – спросил Дагда.

– Сменная одежда для нашей маленькой госпожи, ее плащ, щетка для волос и драгоценности ее матери. Я не посмела взять других вещей, Дагда, иначе она заметит, что они пропали. Она знает наперечет все, что находится в замке, и хочет все сберечь для своего ребенка. Впрочем, я ей больше не понадоблюсь и она отправит меня обратно, в мою деревню. Поэтому я могу встать на защиту Мэйрин. Я не знаю, правду она говорит или нет, но поступает жестоко, выгоняя маленькую госпожу.

– Девочка рождена в законном браке, – тихо ответил Дагда. – Спасибо тебе за твою доброту, Мелани.

– Доброту?! Это не просто доброта, Дагда. Разве это дитя не питалось моим молоком целых два года? Я дала ей жизнь своим молоком! Я люблю ее! – Глаза Мелани наполнились слезами. – Что теперь будет с моей малышкой? – всхлипнула она.

– Ей никто не причинит вреда, – сказал Дагда. – Я пообещал ее матери, что не покину ее до тех пор, пока не вручу ее заботам мужа. – Ободряюще кивнув кормилице, Дагда повернулся и поспешно спустился вниз по ступеням, туда, где ожидали Айво и Мэйрин. Бедный сенешаль при виде его заметно оживился, но тут же побледнел: издали донесся голос Бланш Сен-Ронан.

– Почему эта маленькая дрянь до сих пор здесь? Разве я не велела тебе убрать ее долой с моих глаз? Что это ты несешь, Дагда? Эта мерзавка ничего не должна забирать с собой из замка! Отдай мне этот сверток и ступай по своим делам! А ты, Айво, отведи девочку к работотроvcу!

– Неужели вы не позволите моей госпоже взять с собой ее плащ и перемену одежды, миледи Бланш? – спросил Дагда. – Неужели вы допустите, чтобы вас назвали мстительной и немилосердной?

Бланш Сен-Ронан вспыхнула, что совсем не подобало ее положению.

– Откуда мне знать, – проговорила она, – что вы не украли имущество, принадлежащее Ландерно?

– Действительно, вы вправе сомневаться, – спокойно ответил Дагда, – но если позволите развязать этот жалкий сверток, то сможете сами проверить и убедиться.

– Ах, отдай этой скверной девчонке ее вещи и ступай по своим делам! – с отвращением воскликнула леди Бланш.

– Мои дела – это леди Мэйрин, – тихо произнес Дагда. – Куда она, туда и я.

– Но ты не можешь уйти из Ландерно! Ты прикреплен к этой земле. Если попытаешься уйти, я прикажу привести тебя обратно и высечь как беглого раба!

Дагда запрокинул голову и расхохотался. Смех его был раскатистым и гулким, и от него по спинам всех присутствующих пробежали мурашки.

– Я – вольноотпущенник, мадам, – сказал он. – Я приехал из Ирландии с моей госпожой во исполнение клятвы, которую дал ее умирающей матери, принцессе Мэйр Тир Коннелл. Я не связан ни с Ландерно, ни с каким-либо другим поместьем на этой земле. Узы верности привязывают меня лишь к Мэйрин Сен-Ронан, и я не покину ее до самой смерти. Если вы хотите попробовать задержать меня, миледи Бланш, что ж, попробуйте! – окончил он и так взглянул в ее глаза, что леди Сен-Ронан невольно вздрогнула. «Самое время избавиться от этого увальня», – подумала она. Бланш всегда не доверяла ему.

– Ну тогда ступай, – сказала она, – но не возвращайся просить у меня милостыни, когда работоровец выгонит тебя на все четыре стороны! Я не приму тебя обратно! Можешь умирать с голоду. А за эту мерзавку мне заплатили полновесным серебром, которое я прибавлю к наследству моего будущего ребенка.

– На этих деньгах кровь, – тихо произнес Дагда. – Они не принесут счастья вашей дочери. Они только навлекут на нее беду.

– Убирайся! – воскликнула побледневшая Бланш Сен-Ронан.

Дагда улыбнулся ей, но эта улыбка больше походила на оскал. Бланш Сен-Ронан попятилась, повернулась и побежала в зал. Обернувшись к Айво, Дагда сказал:

– Веди нас к торговцу. Я должен переговорить с ним.

Айво улыбнулся своим мыслям и невольно ускорил шаги. Они вышли во двор, где торговец уже давно дожидался своего живого товара. Сенешалю очень хотелось увидеть выражение лица работоровца, когда тот узнает, что Дагда отправится вместе с девочкой.

Англичане, с которыми этот работоровец имел дело уже много лет, звали его Френом. Сейчас эти англичане покупали рабов гораздо меньше, чем прежде. Торговать в Денло¹ было выгоднее, чем с этими ненормальными англосаксами, которые покупали рабов только для того, чтобы освободить их. Френ был греком и ни за что бы не оказался в Бретани, так далеко от моря, но в Бресте к нему обратился секретарь епископа, попросивший его явиться в Ландерно, чтобы переговорить с леди Сен-Ронан. Леди сказала ему, что ее муж умирает и, когда он испустит дух, ей надо будет избавиться от его внебрачной дочери, которой он до сих пор позволял жить в замке. Девочке пять лет, она совершенно бесполезна, но очень хороша собой, так что кое-чего все же стоит. Френ отчаянно торговался с леди Сен-Ронан, и в конце концов они сошлись на цене в одну серебряную монету.

Френ втайне торжествовал, совершив столь удачную сделку. Он хорошо зарабатывает на этой девочке: знатоки в Западной и Восточной Европе весьма ценили детей, особенно детей красивых. Впрочем, леди Сен-Ронан ничего не могла об этом знать, с улыбкой подумал Френ. Если бы она знала, то не уступила бы девочку так дешево. Глядя на приближающуюся Мэйрин, держащую за руку беловолосого великана, который шел рядом с ней, стараясь попадать в такт ее шажкам, Френ чувствовал себя на вершине блаженства.

Девочка оказалась настоящей красавицей. Невероятно! Френ решил, что не станет продавать ее в Англии. О нет! Эта девочка будет стоить куда больше, чем простая рабыня. Он будет

---

¹ Денло – область «Датского права», районы Англии, захваченные датчанами в IX в. – *Здесь и далее примеч. перев.*

защищать и хранить ее несколько месяцев, пока они не встретятся с одним хорошим покупателем из Константинополя. Тот отвалит ему за это маленькое сокровище целое состояние.

– Вот девочка. Ее зовут Мэйрин, – сказал Айво. – Ты доволен своей сделкой, Френ? Ты передашь мне серебро для миледи Сен-Ронан?

Френ запустил руку в кожаный кошелек, висевший у него на поясе, без колебаний достал тусклую серебряную монету и вручил ее Айво.

– Прощай, моя маленькая госпожа, – сказал сенешаль. – Да хранит тебя Господь и Пресвятая Богоматерь.

– Попрощайся от меня со старой Кателлой, Айво, – сказала Мэйрин.

Сенешаль вытаращил глаза, но кивнул.

– Хорошо.

Френ протянул было руку, чтобы схватить Мэйрин за плечо, но великан предостерегающе проворчал:

– Не касайся моей госпожи своими грязными лапами, торговец!

– Кто этот... – Френ смерил взглядом Дагду с головы до ног, – ...этот парень? – беспомощно пробормотал он. Великан был слишком большим и опасным на вид.

Не в силах удержаться, Айво усмехнулся.

– Пускай он сам скажет тебе, кто он такой, мастер Френ. – И, повернувшись, направился обратно к замку.

– Я – Дагда, – произнес ирландец. – Я – охранник этой девочки. Я был рядом с ней с того дня, когда она родилась, а до того охранял ее мать, Мэйр Тир Коннелл, принцессу Ирландии, да упокоит Господь ее душу. Эта девочка родилась в законном браке, но ее мачеха хочет отнять у нее наследство для себя и своего будущего ребенка. Хотя я вольноотпущенник, но никак не смог помешать ей совершить это злодеяние. Но я не покину мою маленькую госпожу, торговец. Куда она – туда и я.

Френ на мгновение пришел в замешательство. Прежде он никогда не сталкивался на Западе с такими случаями. Чтобы о маленькой девочке заботился мужчина?!

– Ты что, евнух? – спросил он Дагду.

Великан громко рассмеялся.

– Нет, – ответил он. – Все мои богатства при мне.

«Странно», – подумал Френ, но, еще раз окинув взглядом огромного ирландца, понял, что ему снова крупно повезло. Этот Дагда сам позаботится о девочке и сохранит ее до тех пор, пока они не доберутся до Константинополя и не продадут ее выгодному клиенту. Впрочем, Френ не хотел выказывать своей радости.

– Что ж, можешь идти с нами, великан, – надменно произнес он, – но тебе придется самому зарабатывать себе на пропитание. Ты будешь помогать мне. Милостыню подают священники и богатые лорды, а я – ни тот, ни другой. Ты меня понял, великан?

– Я понял тебя, торговец, – ответил Дагда, и в его голубых глазах сверкнула насмешка.

Торговец запустил руку в седельную сумку и достал оттуда маленький кожаный ошейник, чтобы застегнуть его на тоненькой шейке Мэйрин, но большая ладонь Дагды опустилась на его руку. Френ вздрогнул от удивления и вопросительно взглянул на ирландца.

– Ты хочешь испортить ее кожу, торговец? Она такая тонкая, что тебе и не снилось! Этот ошейник оставит на ней отметины.

Френ на мгновение задумался. Великан прав: он сам видел, что рабские ошейники оставляют на коже следы. Такие отметины могут снизить ценность девочки, да и вообще стыдно портить такую чудесную кожу.

– Хорошо, Дагда, – уступил он, – но она должна будет надеть его, когда мы придем на рынок. Я не хочу, чтобы ты сбежал с моей собственностью. Ведь я никак не смогу доказать, что девочка принадлежит мне.

Дагда кивнул, и его глаза снова блеснули, напоминая Френу о том, что на самом деле он, Дагда, ни за что не оставит Мэйрин. Какой-то мальчик подвел к ирландцу большую лошадь, и работорговец вытаращил глаза от удивления.

– У тебя есть собственная лошадь? – Френ скользнул восхищенным взглядом по бархатистой коричневой шерсти великолепного животного.

– Брис был последним даром, который оставила мне мать моей госпожи перед смертью, – услышал он в ответ. – Он не причинит тебе убытков, торговец. Он сам заботится о пропитании. – Взгромоздившись в седло, Дагда наклонился, поднял Мэйрин и усадил ее перед собой.

Френ взобрался в седло своей лошади. До захода солнца оставалось еще около двух часов – вполне достаточно, чтобы проехать несколько миль к побережью. Проезжая через подъемный мост замка Ландерно, Мэйрин смотрела только вперед и ни разу не обернулась. Френу это показалось странным, и он спросил:

– Неужели ты не хочешь в последний раз взглянуть на свой дом?

Девочка пристально посмотрела на него удивительно взрослым взглядом и ответила лишенным всякого выражения голосом:

– К чему оглядываться назад, торговец? Этот замок остался для меня в прошлом. Я смотрю в будущее.

Френ вздрогнул. В этой Мэйрин было что-то пугающее. Он взглянул на нее, но девочка устремила взгляд на дорогу. У Дагды на губах играла легкая улыбка, и когда Френ встретился с ним взглядом, то заметил, что в глазах ирландца светится веселье. Работорговец ощутил укол раздражения. Эта девочка – его собственность, а держится, как королева! Френ пожал плечами. Путь до Англии близок, задержатся они там ненадолго, а потом он вернется в Константинополь. А уж там эта девчонка узнает свое место, когда станет игрушкой какого-нибудь богача, а этот великан-ирландец, который называет себя ее охранником, уже ничего не сможет поделать. В Константинополе у Френа были влиятельные друзья, которые называли его настоящим, достойным именем. Эти друзья в мгновение ока уничтожат Дагду, чтобы завладеть такой редкостной рабыней. Френ улыбнулся, обнажив желтые зубы. «Всему свое время, – сказал он себе. – Терпение, только терпение!»

Глава 2

На ночь они остановились на опушке леса. Френ громко сетовал на отсутствие трактира или на худой конец крестьянского дома; сетования его стали еще громче, когда Дагда не позволил ему развести костер. Френ привык к удобству и уюту.

– Что ж, разведи костер, – сухо сказал ирландец, – и сюда сбегутся бродяги и разбойники со всей округи. Они – отчаянный народ. Стоит им тебя увидеть, они тут же перережут тебе глотку, чтобы снять сапоги. Ты торопишься на тот свет?

– Но как же мы поужинаем без костра? – капризно спросил торговец.

Дагда усмехнулся.

– Не понимаю, как тебе удалось прожить столько лет, Френ, таскаясь по миру со своим живым товаром?

– Я не привык путешествовать в такой глуши, – высокомерно ответил Френ. – Я ездил по хорошим дорогам, где трактиры и прочие удобства. У меня есть слуги, которые заботятся обо всем.

– Что ж, – отозвался Дагда, – сегодня ночью заботиться обо всем буду я. Придется тебе спать на твердой холодной земле, завернувшись в плащ, набьешь свое жирное брюхо моим хлебом и сыром и выпьешь моего плохого вина, торговец; а если не хочешь, то голодай. И не стой здесь приманкой для всех бродяг.

Нервно оглядевшись по сторонам, Френ быстро плюхнулся на землю и спросил:

– А где ты собираешься достать хлеб и сыр, не говоря уже о вине?

Ирландец довольно улыбнулся и вытащил припасы. Отрезав ломоть хлеба и кусок сыра, он без лишних слов вручил их торговцу. Френ приподнял мохнатую бровь, но, пожав плечами, принялся жадно поглощать холодный ужин. Внезапно он понял, что, не будь с ними Дагды, он бы оказался в весьма затруднительном положении, поскольку недооценил расстояния от Ландерно до побережья. Ему и в голову не приходило, что путешествие может продлиться дольше дня. Он молча ел, глядя, как Дагда нарезает тонкие ломтики сыра, укладывает их на хлебный мякиш и передает Мэйрин. Девочка ужинала с аппетитом. За долгие годы торговли рабами Френ успел заметить, что дети обычно оказываются более покорными, чем взрослые. Чтобы ребенок зачах и умер от тоски, было большой редкостью. В общем, ясно, что эта девочка выживет.

Они расположились на отдых. Френ и Дагда караулили по очереди; торговец вздрагивал от малейшего шороха. Девочка спала спокойно. Как только рассвело, они двинулись дальше, к прибрежной деревушке, где Френ должен был встретиться со своими двумя помощниками и их товаром. Мэйрин молчала, но Френ видел, что она замечает все вокруг, хотя ничего не говорит. Девочка оказалась не из глупых.

Тем больше удовольствия получил Френ, увидев, как ее глаза расширились от потрясения при виде его отборных рабов. Их было пятнадцать человек. Двенадцать мужчин самого разного роста и сложения; у каждого на шее кожаный ошейник с металлическими заклепками, и все они прикованы друг к другу цепью, звенья которой продевались в железные петли ошейников. Три молодые женщины тоже были в ошейниках, но связаны друг с другом куда более милосердным способом: цепь крепилась к поясам. Когда они погрузились на судно и отплыли к берегам Англии, женщин освободили от цепей. Считалось, что женщины более покорны.

Френ, его спутники и лошади разместились на открытой палубе корабля, везущего вино и соленую рыбу. Судно обогнуло побережье Бретани и Нормандии и прошло через пролив Де-ла-Дерут, оставив Бретань позади, Нормандию – по правую руку, а по левую – небольшой архипелаг. Мэйрин с интересом следила за рулевым, осторожно прокладывавшим курс через Ла-Манш, к Англии – родине англов и саксов. Вскоре после того, как они вышли в Ла-Манш,

опустился туман, такой густой, что они не видели ни того, что осталось за спиной, ни того, куда они направляются.

– На что они похожи? – спросила она у Дагды. – Эти люди, которые живут в Англии?

– Они – смелые люди, – ответил Дагда. – Я могу утверждать это наверняка, ибо сражался против них. А в остальном, дитя мое, они очень похожи на людей, живущих в Бретани, да и в других землях. Они сражаются, чтобы выжить. Они живут. Они умирают.

– Они говорят на нашем языке? – Сама Мэйрин говорила на кельтском языке бретонцев. Дагда отрицательно покачал головой.

– У них свой собственный язык, но я его понимаю, и ты быстро научишься.

– Значит, мы останемся в Англии, Дагда?

– Да, – тихо прошептал он ей, – но Френ еще не знает об этом. У него в отношении тебя другие планы, моя маленькая госпожа, но этих планов не одобрили бы ни твоя святая мать, ни твой благородный отец. Я за тебя отвечаю и должен позаботиться о твоей безопасности.

– А разве мы не можем отправиться к семье моей матери, в Ирландию, Дагда?

– Я уже думал об этом, моя маленькая госпожа, но это путешествие слишком далекое и опасное. И, увы, у меня нет денег, чтобы облегчить наш путь, а чтобы попасть в Ирландию, нужны деньги на еду и на дорогу. Возможно, нам удастся это через несколько лет, но не сейчас. Первым делом мы должны отделаться от Френа. Впрочем, это будет не так-то трудно. – Дагда подумывал бросить Френа в арготском лесу, но, по здравом размышлении, решил, что следует использовать работоторговца, чтобы он помог им выбраться из Бретани, где Мэйрин находится уже небезопасно: Дагда не сомневался, что леди Бланш убила бы девочку, если бы смогла. По крайней мере сейчас девочка жива, а общество Френа облегчит им путешествие. Дагда еще не знал, что предпринять, когда они доберутся до Англии, но был уверен, что найдет выход.

Ветер был несильным, туман – густым, а море – спокойным, как мельничный пруд. Чтобы переплыть пролив, понадобилось почти три дня. Оказавшись на берегу, Дагда не без удивления обнаружил, что Френа уже ожидали телеги, которые должны были доставить живой товар по дороге, называемой Стэйн-стрит, к городу, носившему имя Лондон. Дагда не допустил, чтобы его подопечная ехала в телеге с женщинами. Он снова посадил ее в седло перед собой, как в Бретани. Он не хотел, чтобы Мэйрин задавала этим женщинам вопросы наподобие тех, что интересовали ее прошлой ночью, когда она внезапно проснулась и обнаружила, что Френ и его двое помощников всюду трудятся над тремя рабынями, услужливо наклонившимися над перилами, задравшими юбки и покорно терпящими грязную возню похотливых мужчин.

Мэйрин толкнула Дагду в бок, разбудила его и спросила:

– Они занимаются любовью?

Дагда кивнул.

– Они что, женаты на этих женщинах?

– Нет, дитя мое.

– Тогда почему же они занимаются с ними любовью? – невинно спросила девочка.

Дагда увел ее подальше от непристойной сцены и, снова усевшись на палубу, ответил:

– То, чем они занимаются, нехорошо, моя маленькая госпожа. Выбрось это из головы и ложись спать. – И, молча проклиная развратника Френа и его помощников, ласково прижал девочку к своей широкой груди и принялся тихо покачивать ее, пока она снова не задремала. Чем скорее он вырвет ее из лап Френа, тем лучше. Девочка еще слишком мала, чтобы сталкиваться с грубостью мира. Надо подыскать для нее безопасное место.

Дагда однажды побывал в Дублине, но Лондон, город саксонцев, оказался совсем новым для него. С его точки зрения, этот город был слишком грязным, дымным и шумным; здания лепились слишком тесно друг к другу; жителей слишком много. Въехали они в Лондон ранним утром, когда город только просыпался. Помощники Френа уже успели найти выгодное место на главном рынке, у большого моста через реку.

Вскоре рынок ожил, и малышка Мэйрин, в жизни не видевшая ничего подобного, смотрела вокруг во все глаза. Справа от них устанавливал свою палатку мясник, поднимая шест, с которого свисали свежие окорока. Слева стоял торговец певчими птицами; палатка его была увешана клетками из ивовых прутьев. Рядом с продавцом птиц разместился торговец рыбой; ведра на его прилавке были полны свежельвленной рыбой и угрями. Прямо напротив них расположился торговец лошадьми, и это было одной из причин, по которым Френ выбрал именно это место. Лошади всегда привлекали внимание, и Френ мог надеяться, что его рабы не затеряются в толпе.

Рядом с торговцем лошадьми пристроился лекарь, готовый за соответствующую плату поставить клиенту пиявок или вырвать зуб. Кое-кто не нашел себе места для торговли и ходил среди покупателей, выкрикивая цены и расхваливая свой товар. Среди разносчиков оказался румяный крестьянин, продающий молоко. Затем мимо прошел пирожник с подносом сладких булочек на голове; на смену ему появились миловидные девушки, торгующие лесными травами, цветами и свежей водой.

Через час Френ уже был готов приступить к делу. Верный своему обещанию, он застегнул на тоненькой шее Мэйрин тяжелый кожаный ошейник и запер его на железный ключ, свисавший с большого кольца на его поясе.

– Вот так! – произнес он с довольной улыбкой, проверив ошейник на крепость. – Теперь ты не ускользнешь в толпу с моим товаром, великан. Эта маленькая девчонка, которую ты так хорошо охранял всю дорогу, – первоклассный товар. Она принесет мне целое состояние в Константинополе! Мне заплатят за нее столько золота, что я смогу купить себе виллу на старость.

– Значит, ты хочешь продать ее какому-нибудь грязному развратнику, торговец? И ты думал, что я настолько глуп и не знаю о твоих злодейских планах? Совесть у тебя есть? – отозвался Дагда, но Френ только засмеялся, и Дагда почувствовал, как в нем начинает закипать гнев. Эта была та знакомая ярость, что некогда превратилась в жажду крови и сделала его неодолимым воином. Но Френ уже отвернулся и не видел гневно сверкнувших глаз ирландца.

Саксонцы больше не верили в ценность рабов, но время от времени все же покупали раба как дешевую рабочую силу, а потом заставляли его отработать свою стоимость, а также расходы владельца на пищу, кров и одежду. Покупатель, конечно, всегда наживался на этом, но рабы, которых привозили в Англию, все равно молились, чтобы их купил англосакс. Это было превосходным шансом вернуть свободу (большинство рабов родились свободными людьми). Покупатели же считали такое приобретение выгодным, поскольку в Англии цены на рабов регулировались законом.

Френ приехал в Англию не с тем, чтобы всерьез продавать рабов, поскольку рынок здесь был нищим. На самом деле он надеялся приобрести здесь светлокожих, светловолосых и светлоглазых саксонских девушек, которые принесут ему большие прибыли на рынках Леванта. Не будем распространяться о том, каким образом ему удавалось добыть таких рабынь, но стоит заметить, что еще ни разу он не уезжал из Англии без товара.

Дагда с интересом следил, как Френ ведет торговлю. Четверых рабов и двух рабынь купили очень быстро. И теперь Френ ожесточенно торговался с трактирщиком из-за третьей рабыни, молодой миловидной женщины с густыми каштановыми косами.

– Эта девица умеет готовить пищу, прясть, шить, и... – торговец сделал паузу для пущего эффекта и откровенно подмигнул трактирщику, – и еще у нее прелестный пухлый задик, которым она будет согревать твою постель сырыми холодными ночами.

– У меня молодая жена, – сказал трактирщик. – Можешь поверить, она не дает мне отдыху всю ночь напролет.

– Ни за что не поверю, что такой крепкий парень, как ты, не бежит на сторону! – воскликнул Френ, фамильярно ткнув трактирщика под ребро. – И потом, запретный плод всегда

сладок. Эта девица сможет помогать на кухне, прислуживать твоим посетителям и порой зарабатывать пару лишних монет на чердаке, если ты понимаешь, что я имею в виду. Она недурна собой, и можешь поверить, что под юбкой она горячая и сочная.

Трактирщик окинул взглядом рабыню и, протянув руку, пощупал ее пухлую грудь. Девушка слегка подалась ему навстречу и медленно, сладострастно улыбнулась, глядя в глаза покупателю. Трактирщик нервно облизнул губы, обдумывая, разумно ли тратить на такое приобретение.

– Она покладиста? – спросил он Френа. Вообще-то трактирщик не рассчитывал покупать рабыню, но сейчас он уже не был так уверен, что рабыня ему не нужна.

– Как овечка, – заверил торговец и повернулся к девушке.

– Да, хозяин, я буду послушной, – подтвердила та, вызывая поведя бедрами.

– Я заплачу не больше установленной цены, – произнес трактирщик, тяжело переводя дух и нащупывая свой кошелек.

– А я больше и не прошу, – отозвался Френ с легкой обидой, но понимая, что сделка состоялась. Трактирщик рассчитался, девушка пошла следом за своим новым хозяином, и Френ широко улыбнулся им вслед.

Один из помощников работоторговца рассмеялся.

– Который раз ты продаешь Гиту? Клянусь распятием, эта девица куда полезнее на рынке, чем в постели!

– Она совершенно незаменима! Как ей удастся приводить ко мне девчонок! – воскликнул Френ. – Наслушавшись ее рассказней о Византии, они просто умоляют меня увезти их с собой. Можешь не сомневаться, когда мы вернемся в Англию на следующий год, она наберет целую толпу юных красоток. Помнишь, как она расстаралась для нас два года назад в Йорке? Завтра мы отправимся в Винчестер. Мне не терпится взглянуть на девиц, которых приманила Альхреда за этот год. У меня есть еще подсадная утка, которая с лихвой отрабатывает свой хлеб.

Совершив первые за это утро сделки, Френ и его помощники устроились поудобнее в ожидании новых покупателей. Дагда, в полной мере осознав всю бесцеремонность и деловую сметку Френа, начал всерьез задумываться о том, чтобы просто схватить Мэйрин и пуститься с нею наутек. Этот кроткий с виду человек, казавшийся таким неженкой и трусом в аргоатском лесу, на самом деле оказался коварным и хитрым, и в его обществе Мэйрин угрожала нешуточной опасностью. Девочка сидела на коленях у Дагды, бережно обнимавшего ее. Отвлечшись на мгновение от своих раздумий, ирландец внезапно заметил, что рядом с ним стоит высокий саксонец и со строгим выражением лица рассматривает Мэйрин. Незнакомец, судя по одежде и осанке, был знатным человеком. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу и, очевидно, что-то решая про себя. Но когда он медленно двинулся в сторону Френа, двое других покупателей грубо оттеснили его и начали громко расспрашивать торговца о трех рабах-мужчинах.

Высокий саксонец заколебался, но, перехватив внимательный взгляд Дагды, подошел к нему и спросил:

– Ты говоришь по-английски? Эта девочка продается?

Дагда медленно кивнул и, покопавшись в памяти, подобрал нужные английские слова.

– Зачем она вам понадобилась? – Взгляд его был свирепым и настороженным.

– Меня зовут Олдвин Этельсберн. Я – королевский тан², мое поместье находится в Мерсии. У меня была маленькая дочь, но она умерла прошедшей весной, и моя жена никак не оправится от этого удара. Эта девочка напомнила мне нашу Эдит.

– Вы хотите купить ее, чтобы отвезти своей жене? – Сердце Дагды бешено застучало. Лицо Олдвина Этельсберна выглядело открытым и честным. Безжалостные годы оставили на нем свою печать, но не озлобили его.

---

² Тан – представитель служилой знати в раннесредневековой Англии.

– Эта девочка – твоя дочь? – с любопытством спросил саксонец.

– Нет, сэр, – ответил Дагда. И начал быстро говорить, понизив голос, надеясь, что Френ и его помощники слишком заняты другими покупателями, чтобы обратить внимание на саксонца. Дагда понял, что таким образом они смогут избавиться от Френа. – Родители этой девочки мертвы, а ее мачеха продала ее, чтобы украсть у нее наследство. Это дитя – дочь бретонского барона, сэр. Я был рабом ее матери, но теперь я вольноотпущенник. Это очень долгая история. Во имя Иисуса, сэр, умоляю вас, купите эту девочку! Я буду служить вам за это пять лет или больше, сколько понадобится, чтобы возместить убытки. Этот торговец хочет отвезти ее в Византию и продать какому-то развратнику!

Олдвин Этельсберн ни на мгновение не усомнился в словах Дагды. Он был образованным человеком, что по тем временам было большой редкостью. И хотя слова светловолосого великана потрясли его, он достаточно хорошо знал темные стороны человеческой природы. Все сомнения разом покинули его, и, оттолкнув других покупателей, он подошел к Френу и властно спросил:

– Сколько стоит эта девочка, торговец? Я хочу, чтобы она прислуживала моей жене.

– Ребенок не продается, сэр, – ответил Френ.

– Не продается? Ты что, шутишь, торговец? – Саксонец повысил голос; вокруг него уже начинала собираться толпа. – Если девочка не продается, то зачем же ты надел на нее рабский ошейник и выставил здесь, на глазах у всех? Либо ты хочешь бесчестно нажиться на ней, либо собираешься использовать ее для какой-то безнравственной цели! Ну, отвечай же!

Лицо Френа пошло пятнами от волнения. Он бессильно шевелил губами, но не мог выговорить ни слова.

– Клянусь Блаженной Девой Марией, именно так и собирался поступить этот негодяй! – провозгласил саксонец. Обернувшись, он воззвал к любопытствующей толпе: – Этот грязный торговец хочет отдать эту малышку, по сути, еще совсем младенца, в лапы какого-нибудь насильника! Неужели мы допустим это, друзья? Пусть кто-нибудь сходит за священником, чтобы этот мерзавец покался в своих греховных замыслах! Или нет, лучше приведите шерифа! Подумать только, этот подлец выставил девочку как приманку для развратников! Но я, Олдвин Этельсберн, тан короля Эдуарда, разоблачил его! – торжественно завершил саксонец.

Столпившиеся люди увидели невинную прелесть маленькой Мэйрин, которую Дагда высоко поднял над головой, вовремя подыграв саксонцу. В толпе послышался глухой ропот, люди принялись грозить Френу кулаками. Англичане очень любили детей, понимая, что в детях заключено бессмертие рода. Но тут какой-то парень крикнул из толпы:

– А зачем тебе понадобился этот ребенок, Олдвин Этельсберн? Откуда нам знать, что твои намерения чисты? – Внимание толпы переключилось с торговца на тана.

– Эта девочка напомнила мне мою покойную дочь, – сказал Олдвин Этельсберн. – Я привезу ее домой, чтобы утешить мою скорбящую жену. В этом нет никакого преступления.

– Откуда нам знать, что ты не врешь? – раздался другой голос. Бросив взгляд на Френа, Дагда заметил, что его помощники куда-то подевались.

Саксонец горделиво приосанился.

– Я – Олдвин Этельсберн, тан короля Эдуарда! В Мерсии никто бы не усомнился в моих словах, в моих намерениях и моей отваге!

– Здесь не Мерсия! Здесь Лондон!

Толпа становилась все более агрессивной. Дагда крепче обнял девочку. Сперва ему показалось, что хитроумному саксонцу удастся склонить толпу на свою сторону, но теперь он видел, что его прием не сработал. Дагда огляделся по сторонам, вновь подумав о том, чтобы ускользнуть с Мэйрин под шумок. Конечно, ошейник доставил бы массу неприятностей: он слишком

тугой, чтобы разрезать или разорвать его. Но когда они с Мэйрин окажутся в безопасности, он найдет способ разрешить эту трудность.

Внезапно он расслышал чей-то крик в толпе:

– Дорогу епископу Вульфстану!

Сердитые покупатели расступились, чтобы пропустить влиятельного и любимого в народе церковника.

– Ну, Олдвин? – строго проговорил епископ, но глаза его лукаво блеснули, что не укрылось от внимательного взгляда Дагды. Добравшись до площадки, где были выставлены рабы, он требовательно спросил: – Что здесь происходит?

– Посмотрите на это дитя, милорд епископ. Разве она не похожа на нашу малышку Эдит, да упокоит Господь ее невинную душу! Я хочу купить эту девочку и привезти домой, к моей Иде, чтобы она перестала оплакивать нашу дочь и вернулась к жизни. Она горюет о ней без конца. Так вот, этот торговец выставил девочку для продажи, но отказывается продавать ее мне. Похоже, что он собирается использовать ребенка для каких-то гнусных целей.

Епископ бросил взгляд на Мэйрин, но не увидел в этой маленькой красавице никакого сходства с покойной дочерью Олдвина Этельсберна. Да, конечно, Эдит была примерно такого же возраста и тоже рыжеволосой, но с роскошным цветом волос этой малютки ничто не могло сравниться. Впрочем, если его друг подметил какое-то сходство и захотел спасти несчастную девочку, утешить свою супругу и пробудить в ней интерес к жизни, то намерения его вполне достойны доброго христианина.

Епископ свирепо смерил взглядом торговца, и Френ ему не понравился.

– Ты выставил девочку на рынке, а по нашим законам это значит, что ты должен продать ее, если найдется покупатель, – произнес он. – Цена за девочку столь нежного возраста – пять медных пенсов. Итак, ты обязан продать это дитя тану Эльфлиа. Как тебя зовут, торговец?

– Ф-Ф-Френ, ваша светлость.

– Френ? – Епископ на мгновение нахмурился. – Френ, – задумчиво повторил он, и в его глазах вспыхнула искра воспоминания. – Два года назад в Йорке тоже объявлялся работорговец по имени Френ, и, когда он покинул город, исчезло около дюжины женщин, включая двух дам из знатных семейств. – Голос епископа звучал мягко и вкрадчиво, но Френ расслышал в нем отчетливую угрозу. Френ понимал, что никто не смог бы убедительно связать пропажу этих женщин с торговцем рабами; но епископ Вульфстан был влиятельным человеком и мог нарушить все планы, так тщательно выстроенные Френом.

Он украдкой бросил взгляд на Мэйрин, на ее чудесные волосы, безупречные черты лица, молочно-розовую кожу. На мгновение он задумался, стоит ли бросать вызов епископу, и решил, что не стоит. Прожив столько лет и развернув такое прибыльное дело, Френ не был вспыльчивым глупцом. С глубоким вздохом сожаления он, как всегда, позволил разуму одержать верх над чувствами. Девочка, конечно, хорошенькая и могла бы принести ему немалые деньги в Византии. Однако не стоила того, чтобы пошли прахом труды всей его жизни, а именно так и могло случиться, если бы он продолжал цепляться за девочку.

– Ежели благородный тан того желает, – громко и подобострастно заявил Френ, – то я возьму его медь, и покончим с продажей девочки.

Толпа начала таять с ропотом разочарования. Представление оказалось коротким. Торопясь поскорее отделаться от Олдвина Этельсберна и епископа Вульфстана, Френ снял с Мэйрин ошейник и произнес:

– Она ваша, благородный тан. Забирайте ее и ступайте. – Он не без горечи рассмеялся. – Вы еще не понимаете, как вам повезло. Этот великан-ирландец – ее личный охранник... Впрочем, он вам сам обо всем расскажет. Если ваши намерения относительно этой девочки честны, то вы получили в придачу превосходного воина. Но если задумали что-то нечестивое, этот великан не колеблясь убьет вас.

Олдвин Этельсберн взглянул на Дагду и проговорил:

– Пойдем.

И затем в сопровождении епископа он двинулся по улице прочь от рынка.

Удобно устроившись у Дагды на руках, Мэйрин наконец заговорила:

– Что это значит? Куда мы идем? – Она видела, что Френ за спиной ирландца пересыпает медяки из одной ладони в другую, с сожалением глядя вслед Дагде.

Дагда объяснил своей маленькой госпоже, что произошло, и Мэйрин понятливо кивнула.

– Значит, теперь я принадлежу этому саксонцу, – сказала она.

– Он – хороший человек, этот Олдвин Этельсберн. Я прочел это по его глазам, – ответил Дагда. – Он привезет тебя к своей жене. И ты будешь в полной безопасности, если она тебя полюбит. Если же она не сможет превозмочь своего горя и твое появление только огорчит ее, то я буду работать на тана, пока не возмещу его убытки. А потом мы отправимся в Ирландию и разыщем родичей твоей матери.

– Я все еще рабыня?

– У саксонцев больше нет рабов, моя маленькая госпожа. Можешь считать, что ты свободна с той минуты, когда тан уплатил Фрэнэу эти медяки. – Он усмехнулся. – Не думаю, что леди Бланш мечтала о такой судьбе для тебя. Во мне снова воскресает вера в то, что Господь заботится о твоей безопасности, вверяя тебя опеке этого тэна.

– А что собой представляет этот тан, Дагда? Он так же знатен, как мой отец?

Дагда на мгновение задумался.

– Да, – ответил он, – танов можно назвать знатью. Они – свободные люди и владеют крупными поместьями, а иногда и другим имуществом. Судя по богатству его одежды, правильной речи и той чудесной броши, что он носит, я подозреваю, что этот Олдвин Этельсберн – состоятельный и, возможно, образованный человек. И наверняка он пользуется влиянием, иначе бы епископ не стал помогать ему с такой готовностью.

Они шли следом за саксонцем и епископом Вульфстаном по улицам, вдоль берега реки, и если бы Дагда не был таким рослым и крепким, ему было бы нелегко угнаться за ними. Наконец они вошли в небольшой, чистенький двухэтажный дом, стоявший на окраине города. Две служанки выбежали им навстречу и проводили в зал, где приветливо горел огонь в камине, разгоняя прохладу сырого предосеннего дня.

– Садитесь, садитесь, – сказал тан епископу и Дагде. Потом он взглянул на служанок. – Принесите вина, – негромко распорядился он и повернулся к Дагде. – Расскажи нам историю этой девочки. Но сперва я хочу узнать твое имя.

– Меня зовут Дагда Мак-Сколайгхе. Когда-то я был неодолимым воином, но священники обратили меня в христианство, а король Ольстера поручил мне воспитывать свою дочь, Мэйр Тир Коннелл. Когда миледи Мэйр исполнилось пятнадцать лет, она вышла замуж за бретонского барона, Сирена Сен-Ронана. Вскоре после этого она родила ребенка и умерла, но перед смертью поручила миледи Мэйрин моей опеке, как некогда ее отец доверил мне заботу о Мэйр. Через несколько лет милорд Сирен взял жену, которая возненавидела мою маленькую госпожу, а когда барон Сен-Ронан умер от несчастного случая, эта жестокая женщина продала миледи Мэйрин работорговцу Френу.

– Почему? – спросил епископ Вульфстан.

– Леди Бланш скоро должна родить ребенка. Она боялась, что если у нее родится девочка, то наследницей Ландерно, поместья барона Сен-Ронана, станет моя госпожа. Избавившись от старшего ребенка покойного мужа, леди Бланш хотела обеспечить будущее своего собственного чада. Она даже не стала дожидаться, когда пол ее ребенка выяснится наверняка. Кроме меня, некому было защитить миледи Мэйрин, а что может сделать бедный простолюдин против знатной вдовы? У милорда Сирена не осталось родных, которые могли бы помешать этому злодеянию. Ландерно далеко от крупных городов, и никто не стал бы возмущаться пропажей

девочки. – Дагда намеренно не упомянул о том, что Бланш Сен-Ронан добилась объявления Мэйрин незаконнорожденной при помощи епископа Сен-Бриека. Он хорошо знал, что в трудных ситуациях церковники стараются поддерживать друг друга, хотя этот епископ Вульфстан не был похож на глупца. Однако этот человек чужой и незнакомый, и Дагда не желал рисковать репутацией своей госпожи. Он считал маловероятным, чтобы они еще когда-либо встретились с леди Бланш и ее дядей. И он должен любой ценой защищать Мэйрин. Его рассказ звучал правдоподобно и просто. Обычное дело – вторая жена попыталась избавиться от ребенка, рожденного в первом браке супруга.

Епископ Вульфстан понимающе кивнул.

– Похоже, эта Бланш Сен-Ронан – не очень-то приятная особа, – многозначительно произнес он. – Ты хорошо поступил, друг мой Олдвин. Думаю, эта девочка наверняка сможет утешить твою жену. Ида – добросердечная женщина. История этой малютки тронет ее сердце. – Он взглянул на Мэйрин. – А почему девочка все время молчит, Дагда? Она не похожа на простушку.

Уголки рта Дагды приподнялись в легкой улыбке.

– Я выучил английский язык, потому что когда-то мне пришлось сражаться в Англии, но миледи Мэйрин, хотя и родилась в Ирландии, большую часть своей недолгой жизни провела в Бретани и говорит только на бретонском и нормандском языках. Но она очень умна и быстро научится английской речи.

Олдвин Этельсберн взглянул на Мэйрин и ласково улыбнулся. За всю свою жизнь он еще не видел такого прелестного создания. Протянув ей руку, он произнес на нормандском языке, тщательно выговаривая слова:

– Подойди ко мне, дитя мое. Ты понимаешь меня?

– Да, милорд, – ответила Мэйрин и, соскочив с колен Дагды, подошла к саксонскому тану.

– Мэйрин, – задумчиво проговорил он. – Это не бретонское имя.

– Да, милорд, вы правы, – ответила девочка. – Это ирландское имя. Меня назвали в честь моей матери, Мэйр. На родном языке моей матери Мэйрин означает Маленькая Мэйр. Можно мне выпить немного вина? Я очень хочу пить.

Олдвин протянул девочке свой кубок, она жадно отхлебнула глоток и с улыбкой вернула ему кубок.

– Я хочу отвезти тебя к моей жене, – сказал Олдвин.

Мэйрин кивнула.

– Дагда сказал мне, что ваша родная дочь умерла этой весной. Как ее звали?

– Эдит.

– Она была красивой? Сколько ей было лет? От чего она умерла? – Вопросы так и сыпались один за другим.

– Мы с матерью считали ее красивой, – ответил Олдвин. – Она умерла от весенней лихорадки. Этим летом ей должно было исполниться шесть лет от роду. А тебе сколько лет, Мэйрин?

– Мне будет шесть в Самайн, – не без гордости ответила девочка. – Люди говорят, что я умна не по годам. А где вы живете? Надеюсь, не в этом ужасном городе!

– Самайн? – озадаченно переспросил саксонец.

– Канун Дня Всех Святых, тридцать первое октября, – пояснил епископ Вульфстан, который тоже знал нормандский язык.

– Я родилась точь-в-точь, когда закатилось солнце и разожгли костры, – гордо добавила Мэйрин. – Дагда говорит, что это означает особое благословение предков. Он говорит, что, когда я появилась на свет, моя рыжеволосая голова тоже пылала, как костер.

– Господь и впрямь благословил тебя, дитя мое, – с улыбкой отозвался епископ. Он подозревал, что в этом прелестном ребенке таится куда больше ума, чем думает Олдвин Этельсберн. Протянув руку, епископ погладил девочку по голове и продолжал: – Господь послал тебе твоего доброго Дагду, который не покинул тебя в беде, а потом Он позволил тебе встретиться с моим старым другом Олдвином Этельсберном, который вызволил тебя из рук торговца. Думаю, тебе приятно узнать, что он живет не здесь, в Лондоне, а в сельской местности.

– Мой дом называется Эльфлиа, – сказал Олдвин Этельсберн. – Он стоит в укромной долине между реками Уай и Северн, по соседству с Большим лесом.

– Эльфлиа, – повторила Мэйрин, словно пробуя это странное слово на вкус. – Эльфлиа. Что это значит, милорд?

– Луг фей, – ответил Олдвин.

– Эльфлиа – это саксонское слово, милорд?

– Да, дитя мое. Я счастлив, что первым словом, которое ты выучила в нашем языке, оказалось имя твоего нового дома.

Мэйрин кивнула, выражение лица ее было не по-детски серьезным. Потом она спросила:

– Милорд, а вы уверены, что я понравлюсь вашей жене? Моя мачеха не любила меня, потому что завидовала. Как насчет других ваших детей, милорд? Я понравлюсь им?

– Моя Ида просто не сможет не полюбить тебя, дитя мое; что же до остальных членов семьи, то у нас есть только один сын, Брэнд. Обычно у саксонцев большие семьи, но и я, и моя жена происходим из маленьких семейств; теперь все наши родичи уже умерли, и мы остались вдвоем. Нет, – поправился он, – вчетвером, потому что ты, малышка Мэйрин, займешь место дочери, которую мы недавно потеряли. – Олдвин Этельсберн усадил девочку к себе на колени и ласково поцеловал в лоб.

Впервые за много месяцев Мэйрин почувствовала себя в безопасности. Она обожала своего красавца отца, и большую часть ее жизни Сирен баловал ее, как мог. Но после его женитьбы на леди Бланш все изменилось. Замечая плохо скрываемую неприязнь молодой жены к Мэйрин, барон де Ландерно старался утешить Бланш, уделяя ей больше внимания, чем дочке. Он надеялся, что если Бланш поверит в силу его любви к ней, то станет меньше завидовать Мэйрин. Он не понимал, что его новая жена коварна и жестока.

Мэйрин была еще слишком мала и испугалась этой внезапной перемены, произошедшей в ее отношениях с отцом. И вот теперь ей предлагали новую отцовскую любовь, взамен утраченной. Заглянув в лицо саксонца, Мэйрин осторожно коснулась его щеки, провела пальчиками по густой бороде тана. Потом улыбнулась, и Олдвин Этельсберн, увидев это, затаил дыхание от радости.

Епископ Вульфстан улыбнулся.

– Думаю, ты получишь больше, чем предполагаешь, друг мой. Благодаря этому милому личику в один прекрасный день твоим зятем может оказаться настоящий граф. Не торопись выдавать ее замуж, не то прогадаешь.

Слуги принесли ужин, и девочка с жадностью набросилась на еду: она ничего не ела с прошлого вечера, когда ей досталась миска холодной овсянки и черствый ломоть черного хлеба. Сочный каплун оказался таким нежным, что мясо само отделялось от костей. Мэйрин впивалась белыми зубами в жирную ножку. Потом она отведала свежешвыловленных креветок, сваренных с приправами; морской привкус резко контрастировал с редкостной в тех краях жареной говядиной. Трапезу завершили теплым, только что из печи, хлебом, твердым острым сыром и сладкими яблоками, первыми в этом сезоне. Довольная, Мэйрин уснула прямо на коленях у тана, и Олдвин Этельсберн улыбался от счастья.

На следующий день, рано утром, они выехали из Лондона и направились в сторону Эльфлиа, до которого было добрых четыре дня пути. Епископ Вульфстан поехал вместе с ними: ему надо было вернуться в свой приход в Уорсестере, который находился в том же направле-

нии, что и Эльфлиа, только еще на день пути дальше. Они двигались на запад; погода стояла хорошая. Олдвин объяснил Мэйрин, что дороги, по которым они ехали, много столетий назад построили люди из народа, называемого римлянами.

Мэйрин выслушала его и кивнула. На самом деле она слушала только вполуха. Ее куда больше интересовал Эльфлиа, который станет ее новым домом, если леди Ида полюбит ее. Она заставила себя сосредоточиться на этой мысли, потому что уже давно поняла, что если захочет чего-нибудь по-настоящему, то это произойдет. Кроме того, у нее были и другие заботы, более важные, чем какие-то древние строители дорог.

– Это тот лес, о котором вы мне говорили, милорд? – спросил она Олдвина.

– Да, дитя мое, – ответил тан, – но ты должна быть осторожна: этот лес очень большой и густой. Я не хочу, чтобы ты потерялась.

– Я не боюсь леса, – отозвалась девочка. – Мой прежний дом был в Аргоате, в непроходимой колдовской чаще, разраставшейся там от начала времен. Этот лес был моим другом. Старая Кателла, мудрая женщина из нашей округи, учила меня свойствам трав и лечению недугов. Она говорила, что у меня есть особый дар, и это правда! Я могу видеть вещи, которых не видят другие люди, – похвасталась она с ребяческой гордостью.

– Значит, ты можешь увидеть, как мы с Идой будем любить тебя? – спросил Олдвин.

Мэйрин, ехавшая в седле перед Олдвином Этельсберном, прижалась спиной к саксонцу и запрокинула голову, чтобы заглянуть в его голубые глаза. Она интуитивно чувствовала, что этот человек действительно будет любить ее настоящей отцовской любовью. Поэтому она понимала, что ей удалось найти безопасный приют.

– Вы действительно будете мне отцом? – тихо спросила она, еще не веря своему счастью. Олдвин торжественно кивнул.

– Да, Мэйрин.

– Но я не смогу забыть своего настоящего отца, – предупредила она.

– Я на это и не рассчитывал, дитя мое.

– Думаю, вы будете мне хорошим отцом, – сказала Мэйрин, и вопрос был решен.

Олдвин ласково поцеловал ее в макушку. Подняв голову, он встретился взглядом с Дагдой, который смотрел на него, одобрительно улыбаясь. Олдвин Этельсберн улыбнулся в ответ, впервые за много месяцев почувствовав себя по-настоящему счастливым. После того как умерла Эдит, не прошло и дня, чтобы он не вспомнил с горечью об этой утрате. Но Господь был милосерден и послал ему Мэйрин. Эта девочка нуждалась в нем так же сильно, как и он в ней, и Олдвин молился про себя, чтобы его жена приняла Мэйрин, потому что он уже не мог представить себе, как расстаться с этим очаровательным ребенком, ворвавшимся в его жизнь так неожиданно.

При мысли об Иде сердце Олдвина забилося чаще, ибо он любил свою жену так, как ни один мужчина на свете, по его убеждению, еще никогда не любил женщину. Он остался единственным отпрыском своего рода, потеряв двух братьев (старший умер от болезни, младший погиб при кораблекрушении). Его единственная сестра скончалась при родах, вскоре после этого умер и ее ребенок – единственный внук отца Олдвина. И тогда на плечи Олдвина лег неотложный долг: как можно скорее найти себе жену. Отец настаивал на этом, и Олдвин, будучи послушным сыном, немедленно принялся искать незамужних дочерей в семьях соседних танов.

Когда Олдвин увидел Иду в зале замка, принадлежавшего ее отцу, он впервые в своей жизни влюбился. Он просто не мог поверить в свое счастье, когда узнал, что она еще ни с кем не обручена. Это было тем более невероятно, что ее мать – кузина жены графа Леофрика, Годивы. Однако отец Иды, Дэлвин, считал, что его дочери имеют право сами выбирать себе мужей. И хотя многие сватались к Иде, ей еще никто не пришелся по душе.

Увидев Олдвина, Ида тоже влюбилась в него с первого взгляда. Довольные выбором дочери, показавшимся им вполне разумным, Леофрик и его супруга Феарн дали согласие на этот брак. Вскоре сыграли пышную свадьбу.

Отец Олдвина успел перед смертью увидеть своего внука. Мальчика назвали Брэнд; теперь ему уже десять лет. Ида, разродившаяся в первый раз очень легко, после этого забеременела только четыре года спустя и родила дочку – Эдит. Впрочем, несмотря на то, что она оказалась не очень плодовита, брак их был удивительно счастливым. Вспомнив медно-рыжие волосы и молочно-белую кожу своей жены, Олдвин заторопился домой. Дул северный ветер, и прохлада напомнила Олдвину о приближении зимы и о восхитительных любовных играх с Идой под меховыми одеялами.

На четвертый день пути, вскоре после полудня, они добрались до Эльфлиа. Посланный вперед гонец предупредил леди Иду о возвращении мужа, и она вышла ему навстречу. Серые глаза ее расширились от удивления, когда она увидела в седле перед мужем маленькую девочку. А потом глаза ее наполнились слезами, потому что Олдвин обычно возил в своем седле Эдит. Ида усилием воли отогнала печаль. Не годилось встречать мужа плачем и причитаниями. Потом она перевела взгляд на огромного незнакомца, который ехал рядом с ее мужем, и на еще одного всадника, узнав в нем епископа Вульфстана. Черт побери этого гонца! Почему же он не предупредил ее о том, что едут гости?

Она с волнением стала припоминать, что распорядилась подать к обеду. Надо будет приготовить еще жаркое из кроликов и оленину. Оставалось еще время, чтобы послать мальчишку к ручью за парочкой форелей. Епископ любил хорошо поесть, как и ее супруг, да и этот великан, похоже, не привык скучать за столом! О Святой Касберт! Хватит ли им хлеба? Надо узнать, напек ли Бирд свежие буханки.

Олдвин Этельсберн легко соскользнул с лошади и заключил жену в объятия. Ощувив ее родное тепло, он еще раз осознал, как сильно успел соскучиться по своей милой Иде, и прильнул к ее губам в жадном поцелуе. Ида на мгновение прижалась к нему, а потом с негромким смехом высвободилась. Ее миловидное личико сияло от удовольствия. Мэйрин впервые увидела проявления столь нежной привязанности между супругами. Ее отец и леди Бланш всегда держались друг с другом церемонно.

– Постыдитесь, милорд! – ласково упрекнула его Ида. – Что подумает его милость о таком поведении?

– Его милость, – спешиваясь, ответил епископ Вульфстан, – мечтает лишь о том, чтобы все супруги на свете любили друг друга столь же искренне, как вы. Мое сердце смягчается при виде такого тепла в этом холодном мире.

Только сейчас Ида перевела взгляд на Мэйрин.

– А это кто, милорд? Кто это милое дитя?

– Я купил ее у препротивного работорговца, который хотел увезти ее в Византию и продать каким-то негодяям, – ответил Олдвин Этельсберн. – Он очень не хотел расставаться с нею, но благодаря вмешательству нашего доброго епископа торговец осознал свои заблуждения, и мне удалось спасти эту девочку.

– Ах бедняжка, – сочувственно проговорила Ида и улыбнулась, глядя на Мэйрин. Затем перевела взгляд на Дагду. – А это кто, милорд? Его тоже обижал работорговец? Он не похож на человека, которого легко обидеть.

Олдвин рассмеялся.

– Это – Дагда Мак-Сколайгхе, охранник этой девочки. – И он вкратце пересказал жене историю, которую поведал ему Дагда.

Дослушав, Ида кивнула с пониманием и сочувствием.

– Добро пожаловать в Эльфлиа, дитя мое, – сказала она.

– Она не понимает английской речи, но скоро научится, – сказал Олдвин жене. – Она говорит только по-нормандски. – Он ободряюще улыбнулся Мэйрин. – Моя жена приветствует тебя в Эльфлиа, Мэйрин.

– Она хочет стать моей новой мамой, милорд отец?

Олдвин на мгновение растерялся, не зная, что ответить. Дети так нетерпеливы, и как бы отважен ни был саксонский тан, он еще не решился заговорить со своей супругой на эту тему. В Лондоне все казалось гораздо проще.

Но тут Ида спросила:

– Что эта девочка говорит о маме, милорд? Я поняла только это слово. Если она захочет пожить у нас, я научу ее английскому языку.

Воззвав про себя к Иисусу и решив, что лучше всего говорить напрямик, Олдвин произнес:

– Любовь моя, эта девочка, Мэйрин, хочет знать, будешь ли ты для нее новой мамой.

Ида слегка вздрогнула, и ее бледное лицо побелело еще сильнее. На мгновение она зажмурилась, а когда открыла глаза, Олдвин прочел в них знакомую боль. Дрожащим голосом она ответила:

– Она не сможет заменить Эдит, милорд. Надеюсь, ты не настолько черств, чтобы поверить в это.

– Да, – согласился тан, – Эдит нельзя заменить, и она никогда не вернется к нам, любовь моя. Наша дочь умерла. Я не настолько бесчувственный, чтобы пытаться заменить одного ребенка другим. Но Эдит больше не нуждается в нас, Ида, а этой девочке мы очень нужны. Как только я увидел на рынке ее гордое личико, омраченное испугом и тоской, я сразу же понял, что должен сделать. И ты, любовь моя, тоже чувствуешь это сердцем. Господь послал нам другого ребенка не для того, чтобы заменить Эдит, но для того, чтобы эта девочка заняла свое собственное место в нашей жизни. Этой малютке пришлось страдать так же, как и тебе. Мэйрин задала тебе вопрос, Ида. Что мне передать ей?

Ида снова посмотрела на Мэйрин, которая ответила ей странным, лишенным всякого выражения взглядом. Лицо девочки превратилось в застывшую маску. И тут Ида заметила, что в темно-синих глазах малышки мелькнула незащитность. В это мгновение сердце ее потянулось навстречу девочке. Она ласково подхватила Мэйрин на руки, сняв ее с седла, и сказала:

– Ну конечно, я стану для нее матерью, милорд. Ведь ты стал для нее отцом! – Она расцеловала девочку в обе щеки и опустила ее на землю. Взяв свою новую дочь за руку, она повела ее в зал замка Эльфлиа.

– Слава милосердному Иисусу и Его Пресвятой Матери, – тихо проговорил епископ Вульфстан.

– Ваша супруга – добрая женщина, – сказал Дагда с явным облегчением. – Моя маленькая госпожа будет в безопасности в вашем доме, и я в долгу перед вами, Олдвин Этельсберн. Теперь вам остается лишь сказать, какие услуги понадобятся вам от меня, ибо отныне я – ваш вассал, а вы – мой господин.

– Первым делом, – ответил Олдвин Этельсберн, – мы все вместе пойдем в зал и пообедаем. – Он усмехнулся, глядя на своих спутников. – Я чертовски проголодался, друзья мои! Что же до тебя, мой добрый Дагда, то здесь, в Эльфлиа, человеку с такими талантами, как у тебя, найдется много дел. Мэйрин приняли здесь с радостью. И тебя я с радостью приглашаю в мой дом. – Он еще раз улыбнулся огромному ирландцу. – Ну, пойдем обедать!

Глава 3

Олдвин Этельсберн не был ни особенно знатен, ни очень богат, но владел большим поместьем. Земли, доставшиеся ему, тщательно собирали несколько поколений танов, понимавших ценность земельных владений. И хотя поместье находилось несколько вдалеке от главных дорог, хозяйство в нем процветало.

Эльфлиа притаился в укромной долине между реками Уай и Северн. Благополучием своим Олдвин был обязан тому, что хорошо заботился о крестьянах. Кроме того, поместье было надежно защищено от набегов обитавших неподалеку диких валлийцев. Через земли Олдвина протекала небольшая речушка под названием Олдфорд; от узкой дороги, спускавшейся вниз по холмам от Уотлинг-стрит, можно было попасть к поместью через переправу.

На дальнем берегу Олдфорда раскинулись просторные пастбища и общинные земли; за рекой дорога вела через луга, поросшие сочными травами, к замку и землям, которые использовались под посевы для хозяев поместья. Затем дорога раздваивалась. Правая тропа вела к деревушке, расположившейся примерно в полумиле от замка; левая – к церкви, а за церковью снова разветвлялась. Боковые тропки шли через поля, засеянные рожью, пшеницей, льном и ячменем, а также к полям, отдохавшим под паром. Главная дорога обрывалась у речки, петлявшей по полям. Здесь стояли мельница и Веорт – дом мельника.

Позади замка и прилегающих к нему полей, слева от деревни, раскинулся густой лес, который Олдвин Этельсберн уважительно называл Большим. Здесь росли величавые английские дубы, стройные березы и крепкие сосны. По лесу протекал ручей, впадавший в Олдфорд; в чаще водились олени, кролики, лисы и прочая живность. Крепостные крестьяне, принадлежавшие поместью, имели право в зимние месяцы поймать по одному кролику на семью – таков был щедрый дар лорда Эльфлиа. Недостаток кроликов в лесу поставил бы под угрозу поголовье домашней птицы в поместье: хищники из Большого леса повадились бы в крестьянские курятники. Обитатели Эльфлиа понимали это и считали, что им повезло с хозяином. Большинство землевладельцев вовсе не позволяли своим крепостным охотиться в лесах, а за браконьерство жестоко карали.

Рядом с замком, по другую сторону от деревни, находился яблоневый сад, весной превращавшийся в целое море бледно-розовых цветов. Сейчас ветви деревьев клонились к земле под тяжестью созревающих плодов; скоро наступит время собирать урожай. К саду примыкало небольшое строение, где часть урожая ежегодно перерабатывали на сидр. Остальные яблоки хранили в погребе, принадлежавшем хозяину поместья, и распределяли по его указаниям.

В Эльфлиа, как и во всех английских поместьях того времени, было натуральное хозяйство. Здесь выращивали хлеб, овощи и фрукты, разводили коров, свиней, лошадей и овец. В поместье были сад, пекарня, пивоварня, церковь и мельница. Жители сами выделяли кожу и подковывали лошадей. В кузнице, где всем заведовал высокий, худощавый и мускулистый кузнец Освальд, ковали сельскохозяйственные инструменты и оружие. За духовную жизнь Эльфлиа отвечал отец Альберт, священник поместной церкви.

Во времена Олдвина Этельсберна люди еще ничего не знали об удобрении почвы. Английские таны пользовались трехпольной системой с севооборотом. Одно поле засеивали озимыми, второе – яровыми, а третье лежало под паром. Каждой семье в поместье принадлежала делянка на каждом из полей. Эта земля не являлась собственностью крепостных и не передавалась ими по наследству. Хозяин поместья просто одалживал землю крепостным в обмен на их труд.

Мельник, священник, кузнец, бейлиф³ и пекарь были свободными людьми, но большинство обитателей Эльфлиа были крепостными, принадлежавшими поместью. Они не могли покинуть эти земли без согласия своего господина. Глава каждой семьи три дня в неделю работал на хозяина. Он должен был исполнять все распоряжения лорда Эльфлиа; кроме того, ни он, ни члены его семьи не могли вступить в брак без разрешения хозяина. Как правило, крепостные жили в нищете и были несчастными. Но крестьяне в Эльфлиа не жаловались на своего хозяина; их можно было бы назвать вполне довольными своей жизнью.

Замок Олдвина с виду был совершенно типичен для того времени. Однако внутренние покои отличались оригинальностью. Олдвин Этельсберн имел довольно необычные вкусы в архитектуре. Замок его был двухэтажным, сложенным из темного серого камня. Прежде, при отце Олдвина, весь первый этаж его занимал огромный зал, разделенный на три части двумя рядами стоек, поддерживавших кровлю. Второй этаж был надстройкой над частью зала и представлял собой просторную комнату, которую называли Большая спальня; здесь спали все члены семьи.

Единственным средством отопления, возможным в подобном строении, был камин в зале – на редкость неудобное сооружение, поскольку окна, хотя их было немного, не закрывались накрепко. Дым от камина выходил через тростниковую кровлю зала; когда же ветер дул с определенной стороны, дым просто-напросто возвращался обратно в комнату, заставляя людей задыхаться и кашлять и покрывая мебель слоем копоти. В Большой спальне зимой было очень холодно, летом – душно, а в дождливую погоду – сыро.

Олдвин Этельсберн – второй сын своего отца и в юности вовсе не надеялся унаследовать Эльфлиа. Чтобы пробить себе дорогу в жизни, он все свои силы употребил на овладение воинским искусством, подобно большинству молодых англосаксов. Благодаря мастерству, с которым он обращался с мечом и боевым топором, Олдвин и получил свое прозвище Этельсберн, что означает Благородный воин. В отличие от множества других юношей он, однако, не ограничился жизнью в Англии – побывал в Скандинавии и Византии, а под видом мавританского воина даже сумел увидеть Святую Землю. В то время Иерусалим зорко охраняли слуги Пророка, и христиан отнюдь не ждали там с распростертыми объятиями.

Большой мир очаровал Олдвина: юноша был впечатлителен, и в жилах его текла густая кровь нормандской бабки, происходившей от самого Роллона⁴. Олдвин любил яркие краски, зрелища, ароматы и звуки чужих земель и народов. Он не собирался возвращаться в Англию, но когда умерли его старший и младший братья, вернуться на родину пришлось. Олдвин уже был готов отправиться морем на Сицилию с какими-то дальними родственниками из Нормандии, когда его настигло письмо отца. Сыновний долг, о котором Олдвин уже и думать забыл, внезапно проснулся в его душе, и он вернулся домой.

Подчинившись воле отца, он нашел себе жену и привез ее в Эльфлиа; но в ту пору замок и поместье еще принадлежали отцу. Хотя Олдвин видывал места и поудобнее, чем свое родовое гнездо, рассуждать на эту тему ему не пристало. Его отец был англосаксом, воспитанным в старинных традициях. И Олдвин не хотел омрачать преклонные годы своего родителя бесполезными жалобами и капризами.

Самым невыносимым в замке Олдвину показалась полная невозможность уединения. Других это ничуть не беспокоило, так же как когда-то не беспокоило и самого Олдвина. Но сейчас, даже задернув занавески, он ни на минуту не мог расслабиться в постели рядом с молодой женой, потому что прямо за этими занавесками, сотрясая комнату гулким храпом и посвистыванием, спали его отец, трое слуг, а порой еще и какой-нибудь гость. Олдвин знал, что Ида

³ Здесь: управляющий поместьем.

⁴ Роллон – герцог Нормандский (ок. 860–932).

разделяет его мучения, но они никогда ни с кем не говорили об этом, поскольку понимали, что их желание уединиться сочтут нелепым. Англосаксы не привыкли к уединению.

Когда же Олдвин Этельсборн наконец стал хозяином Эльфлиа, первым делом он занялся реконструкцией замка, превратив его в нечто совершенно диковинное для гостей и соседей. Над залом настелили новую кровлю, камин оснастили каменной трубой. К дальней стене зала пристроили две маленькие комнатки – кладовую и буфетную.

Кухня Эльфлиа размещалась в отдельном здании, за огородом и садом, где выращивали полезные травы. Олдвин соединил кухню с основной постройкой при помощи крытой галереи, проходящей через сад, который обнесли стеной, чтобы защитить от кроликов. В кухню можно было попасть прямо из замка, что немаловажно на случай осады. Иде это очень нравилось: теперь она была спокойна за урожай в саду.

Большую спальню на втором этаже перепланировали и расширили; она стала занимать такое же пространство, как и нижний зал. С одной стороны второго этажа разместилась спальня лорда и его супруги. С другой стороны – гостиная с камином для обогрева верхнего этажа, где семья могла собраться на отдых подальше от суматохи в зале. Эти две комнаты соединялись узким коридором, по обе стороны которого расположились маленькие спальни с окнами, предназначенные для детей.

Соседи Олдвина очень поразились этим переменам. Интерьер замка казался им вызывающим. Зачем понадобилась отдельная спальня? Чем он занимался там со своей женой? Почему этим нельзя заниматься в обычной Большой спальне? Что же до отдельных детских комнат, то это просто смешно и даже опасно! Каким образом мальчик сможет узнать то, что нужно, о женщинах, а девочка – о мужчинах, если поселить их в отдельных спальнях? Впрочем, кое-кто втайне завидовал, что Ида теперь может наслаждаться уединением в спальне со своим мужем, а кое-кто – что у Олдвина в доме стало два камина; однако завистники были достаточно разумны, чтобы держать свои мысли при себе.

Мебель в замке отличалась простотой и удобством. В зале стояли крепкий дубовый стол для хозяев и несколько столиков на козлах для слуг. Для членов господской семьи предназначались стулья с высокими спинками, для прочих – скамьи. В гостиной, кроме маленького камина, находились два стула для господина и госпожи, небольшой стол, несколько низких скамеечек и ткацкий станок Иды. Англосаксонские женщины славились своим ткацким искусством; Ида овладела им в совершенстве. В ночное время комнаты освещались свечами с фитилем из сердцевины ситника и сальными свечами, а также бронзовыми масляными светильниками, которые были предметом особой гордости Олдвина.

Убранство спален было столь же скудным: только кровати и большие сундуки, окованные железом, где хранилась одежда. Ида была счастливой обладательницей тщательно отполированного круга серебра, которым она пользовалась как зеркалом. Это был свадебный подарок от будущего мужа.

Личные слуги членов семьи спали в гостиной. Прочие крепостные отрабатывали три дня в неделю на полях господина, а эти крепостные, отобранные в качестве прислуги, обязаны три ночи в неделю проводить в гостиной и являться на зов хозяина в случае нужды. Когда дети были маленькими, их слуги спали вместе с ними на низенькой кровати на колесиках, которую на день задвигали под кровать, принадлежавшую ребенку. Прочие слуги ночевали либо в зале, либо на кухне, если у них не было своих домов.

Мэйрин сразу почувствовала теплую, душевную атмосферу замка, которой так не хватало в Ландерно. Возможно, все было бы иначе, останься ее мать в живых. А так все воспоминания Мэйрин о Ландерно сводились лишь к холодным стенам из серого камня. Тот замок казался человеческим жильем лишь благодаря любви и вниманию, которые так щедро изливали Сирен Сен-Ронан и Дагда.

«Я буду счастлива здесь, – решила Мэйрин. – Леди Ида довольна, что я приехала в Эльфлиа». Девочка сравнивала Иду с леди Бланш, которая заботилась только о себе и ненавидела свою падчерицу. А Ида оказалась строгой, но любящей матерью; она живо интересовалась всем, чем занимались дети. Впрочем, в первый день Мэйрин испугалась, увидев, как эта высокая женщина с косами цвета меди протянула к ней руку. Девочка попыталась скрыть свой страх, но Дагда все понял.

– Ступай с ней, моя малышка, – ласково подбодрил он Мэйрин. – Она заменит тебе мать, в которой ты так нуждалась. Девочкам особенно тяжело без матери.

– Мне не нужен никто, кроме тебя, Дагда! – заявила Мэйрин.

Великан улыбнулся.

– Нет, тебе нужна мать, и Господь послал прекрасную женщину, которая позаботится о тебе. Дай ей руку, дитя мое. И знай, что она нуждается в тебе не меньше, чем ты в ней.

Мэйрин застенчиво взглянула на Иду из-под густых ресниц и вложила свою ручку в ее большую ладонь. Они вошли в дом, и Ида приказала принести в гостиную деревянную лохань и горячую воду. Потом она отвела Мэйрин наверх, и встревоженная девочка вздохнула с облегчением, увидев, что Дагда последовал за ними. Войдя в гостиную, он вручил Иде маленький сверток, который привез из Ландерно.

– Здесь драгоценности ее матери, – сказал он, – и личные вещи девочки. Остальное ни на что не годится, и его лучше выбросить, госпожа. Не стоит напоминать Мэйрин о прошлом. Пусть она смотрит в настоящее, а еще лучше – в прекрасное будущее. – И с учтивым поклоном ирландец вышел из гостиной.

Ида не знала никаких языков, кроме английского и латыни, которой Олдвин обучил ее сразу же после свадьбы. Порой она завидовала своему мужу, так быстро схватывавшему чужие наречия, большинство которых оставалось для нее несвязным бормотанием. Однако она обратилась к Мэйрин так, словно девочка прекрасно понимала ее:

– О Господи, дитя мое, какая ты грязная! Тебе надо хорошенько выкупаться и вымыть твои чудесные волосы!

Подняв Мэйрин и поставив ее на стол, она принялась осторожно раздевать ее. При виде ее крепкого, безупречно сложенного тела к Иде вернулись болезненные воспоминания. Крупные слезы покатались по ее розовым щекам. Но она продолжала раздевать Мэйрин и бросать грязные обноски в камин, где пламя с треском охватывало их и тотчас же пожирало. А слезы все струились из ее глаз, хотя она и пыталась взять себя в руки.

Мэйрин, которая не понимала ни слова из того, что говорила Ида, все же смогла понять ее горе.

– Не плачьте, миледи, – попросила она, попытавшись вытереть слезы с лица Иды. Девочка и не заметила, что сама заплакала, наконец сумев излить в слезах свою давнюю печаль.

Увидев, что Мэйрин тоже плачет, Ида крепко прижала девочку к своей груди.

– Ах, моя малютка, – прошептала она, – наша Эдит полюбила бы тебя так же, как я уже полюбила тебя. У нее тоже было доброе, чувствительное сердечко.

И, стерев остатки слез со своего лица и с заплаканного личика Мэйрин, она сняла девочку со стола и усадила ее в лохань.

Опустившись на колени, она закатала рукава своего платья. Первым делом вымыла великолепные волосы Мэйрин, затем намылила и ополоснула тело девочки. Вынув Мэйрин из лохани, она снова поставила ее на стол и быстро вытерла насухо, чтобы малышка не простудилась. Наконец, сняв ее со стола, Ида усадила Мэйрин на низкую скамеечку перед камином. Сидя на своем стуле, Ида принялась расчесывать блестящие золотисто-рыжие волосы Мэйрин, пока те не просохли и не превратились в парящее вокруг головы облако, легкое, словно пушок чертополоха.

Окончив свою работу, Ида на мгновение застыла в изумлении. Теперь, когда Мэйрин чисто вымыта, стало видно, какая она красавица.

– Ох, Иисусе, – прошептала Ида. – В жизни не видела ничего подобного! – Она осторожно потрогала длинный локон. – Неудивительно, что твоя мачеха завидовала тебе, дитя мое.

Но тут, сообразив, что Мэйрин может простудиться, если ее не одеть, Ида поднялась, подошла к маленькому сундуку и подняла крышку. Стоя над открытым сундуком и разглядывая его содержимое, она почувствовала, что еще немного – и она опять заплачет. Встряхнув головой, Ида наклонилась и достала несколько вещей.

– Это носила моя Эдит, – тихо проговорила она. – Я собиралась отдать их жене моего брата для их дочери, но теперь... – Голос ее сорвался, и, не говоря больше ни слова, она принялась одевать Мэйрин.

Сначала она надела ей через голову светло-желтую шелковую нижнюю, затем – шерстяную верхнюю тунику медного цвета, доходившую девочке до голеней; край нижней туники виднелся из-под верхней. У верхней туники были широкие длинные рукава с черной вышивкой у запястий; круглый ворот ее был также украшен скромной вышивкой. Снова порывшись в сундуке, Ида достала туфли из мягкой кожи, легко принимающие форму ступни. Хотя они в свое время были сшиты для Эдит, Мэйрин они оказались впору. Затем Ида подпоясала девочку узким кожаным поясом с бронзово-зеленой пряжкой. И, наконец, повязала ей вокруг лба узкую зеленую ленту.

Внезапно в гостиную вошел мальчик, одетый в сине-зеленую тунику и такие же чулки, с темно-рыжими волосами, как у Иды. Он обвел надменным взглядом Иду и Мэйрин, а потом высокомерно спросил:

– Где эта девчонка, которую отец хочет сделать моей новой сестрой? – Голубые глаза, в которых сверкала враждебность, задержались на Мэйрин. – Это она? Я не хочу ее! Она не заменит Эдит... и потом, у нее волосы совершенно ужасного цвета!

Мэйрин, словно котенок при встрече с драчливым щенком, прищурила глаза и свирепо прошипела:

– Не подходи ко мне, грубиян, иначе я превращу тебя в жабу!

Олдвин подоспел как раз вовремя, чтобы услышать весь разговор, от души расхохотался, но внезапно посерьезнел и предупредил сына:

– Берегись, Брэнд! Мэйрин сказала, что превратит тебя в жабу, если ты не будешь относиться к ней по-доброму.

И украдкой подмигнул Иде.

– Ха! – презрительно воскликнул Брэнд. – Она не сумеет! – Он снова взглянул на девочку, и ответный взгляд ее был таким свирепым, что Брэнд невольно усомнился в своей правоте и спросил Олдвина: – Правда ведь, не сумеет? Да, отец?

– Не знаю, сынок, но я бы на твоём месте не рисковал. Вполне возможно, что Мэйрин действительно знает, как превратить тебя в жабу. Она из кельтского народа, из Бретани, а все кельты – колдуны. Да, – подытожил он, – скорее всего она действительно может превратить тебя в жабу, но поскольку она еще очень молода, то вряд ли сумеет вернуть тебе прежний облик.

Брэнд побледнел и придвинулся ближе к отцу.

Ида тихо засмеялась и ласково упрекнула мужа:

– Как не стыдно, милорд! Зачем ты дразнишь Брэнда?

– Я вовсе не дразню его, Ида, – серьезно возразил тот. – На месте Брэнда я бы обращался с Мэйрин любезно. Ведь она будет нам дочерью, а ему – сестрой. – Он обнял сына за плечи одной рукой. – Я не пытаюсь заменить ею Эдит, Брэнд, но ты знаешь, что Эдит покинула нас навсегда. Мы потеряли ее, а Мэйрин точно так же потеряла своих родителей. У каждого из нас теперь в жизни появилась пустота. Господь часто действует так, как не дано понять смертному человеку. Взгляни на свою мать, сынок. Впервые за много месяцев она улыбнулась. Я долго

молился Пресвятой Деве Марии, чтобы Ида утешилась в своем горе. И теперь вижу, что мои молитвы не остались без ответа.

Брэнд перевел взгляд на мать и понял, что отец говорит правду. Мальчик смущенно опустил глаза, а Олдвин продолжал:

– А теперь, сынок, поздоровайся со своей названной сестрой и приветствуй ее в нашем доме. Попытайся говорить по-нормандски: она еще не понимает нашего языка.

Брэнд обернулся к девочке, которая все еще смотрела на него исподлобья. Ее чудные волосы рассыпались по плечам и сияли, как огонь. В душе Брэнду понравилось, что она так отважно пошла против него. Хотя она не поняла его слов, но по голосу и поведению догадалась, что он настроен недружелюбно. Брэнд понимал, что такое храбрость, и восхищался ею. Разглядывая Мэйрин, он не мог не заметить, что она красивее Эдит. Признаться честно, он готов был допустить, что эта девочка – настоящая красавица. Затем Брэнд подумал: «Неужели она одна из тех чистюль, что вечно боятся запачкаться, и терпеть не может веселых игр. А может быть, она все-таки любит ездить верхом и охотиться с соколами?» Перехватив поощрительный взгляд отца, он сделал шаг вперед.

– Меня зовут Брэнд, – произнес он, с трудом выговаривая слова нормандского языка, который заставлял его учить отца. – Ты действительно можешь превратить меня в жабу?

Глаза Мэйрин прояснились, гнев ее растаял. Она не поняла ни слова из беседы между Брэндом и его родителями, но почувствовала, что Олдвин каким-то образом придал ей авторитет в глазах мальчика. На губах ее заиграла полуулыбка.

– Возможно, – уклончиво ответила она, понимая, что сомнение станет более мощным оружием, чем определенность.

Брэнд не знал, верить ей или нет, но отец был прав: рисковать не стоит.

– Отец говорит, что ты будешь моей новой сестрой. Мэйрин – хорошее имя. Оно нормандское?

– Я не нормандка, а бретонка. А имя у меня кельтское. Моя мать была ирландской принцессой. – Темно-синие глаза Мэйрин задумчиво разглядывали мальчика. – У меня прежде никогда не было брата. Вторая жена моего отца, леди Бланш, должна родить ребенка, но это будет девочка. Я точно знаю. – Мэйрин немного помолчала и спросила: – У тебя есть лошадь? У меня был пони в Ландерно, но леди Бланш не позволила взять мне с собой Парнелла, когда выгнала меня из замка.

Пока дети беседовали, тан тихо переводил Иде их разговор. Когда Мэйрин заговорила о своем пони, Ида взглянула на мужа с таким огорчением, что Олдвиншний раз убедился в том, как вовремя он привез ей девочку.

– У меня есть конь, – ответил Брэнд. – Серый, с черной гривой и хвостом. Я назвал его Громом. А еще у меня есть собака. Она только что родила шестерых щенков.

– Щенки! – Мэйрин с завистью взглянула на мальчика. – У меня никогда не было собаки, – с печалью в голосе сказала она.

– Хочешь, возьми себе одного из щенков Фрейи, – небрежно предложил Брэнд.

– Ой, хочу! – воскликнула Мэйрин. Личико ее засияло от восторга.

– Но ты должна хорошо обращаться с ним, – предупредил Брэнд. – Я покажу тебе, что надо делать, а ты пообещай, что не превратишь меня в жабу. Договорились?

– Если ты разрешишь мне самой выбрать щенка, – уточнила девочка.

– Идет! – отозвался Брэнд и улыбнулся. Мэйрин улыбнулась в ответ. Они нашли общий язык и теперь станут друзьями.

Олдвин и Ида тоже обменялись улыбками. Оба думали об одном и том же. Смерть Эдит отняла у них нечто неосязаемое, но драгоценное. А появление Мэйрин вернуло это. Теперь они снова стали одной семьей.

Мэйрин вошла в жизнь Эльфлиа так легко, словно жила в этом замке всю жизнь. Через несколько недель она говорила по-английски, как на родном языке. Но Олдвин не хотел, чтобы она забыла нормандский язык. Следующим королем Англии будет нормандец. И не исключено, что его новая дочь-красавица со временем выйдет замуж за нормандца.

Осень сменилась зимой. Зима держалась долго, но в конце концов весна все же заявила о своих правах, а затем уступила место лету. Прошел год, за ним пролетело еще пять лет. Те, кто знал Эдит, дочь Олдвина, при ее недолгой жизни, успели забыть о том, что она вообще существовала на свете. Крепкая, здоровая и сильная Мэйрин росла, стирая остатки воспоминаний о другом ребенке.

Брэнд быстро понял, что Мэйрин не из породы чистюль и домоседок. В конюшне замка появился толстый черно-белый пони по имени Вихан (что по-валлийски означает маленький); через несколько лет, когда Мэйрин исполнилось десять, его сменила изящная белая кобыла Оделетта. Мэйрин была великолепной наездницей: она крепко держалась в седле и легко правила лошадью. Брэнд скоро обнаружил, что она не трусливей любого мальчишки. Мэйрин скакала галопом на своей лошади по всему поместью, без малейшего страха преодолевая в прыжке любую преграду на пути.

– Когда-нибудь ты свернешь себе шею, – беззлобно ворчал на нее Брэнд после того случая, когда девочка заставила Оделетту перепрыгнуть через узкий каменистый ручей. Сам Брэнд не смог решиться повторить такой подвиг.

Мэйрин тогда рассмеялась и сказала:

– Ты должен предчувствовать, как поступит твой противник, иначе никогда не станешь победителем!

Порой Брэнду казалось даже, что эта девочка старше его, тогда как в действительности была младше на четыре года. Брэнд быстро полюбил ее, а она – его. Для Мэйрин он был обожаемым старшим братом, который брал ее с собой на охоту и всегда находил время поговорить с ней, когда ее что-то беспокоило. Но для Брэнда Мэйрин стала первой настоящей любовью, и ему больно было задумываться о том, что рано или поздно она выйдет замуж за другого.

Именно Брэнд впервые привел Мэйрин в Большой лес и показал ей все свои знакомые тропки. Она же научила его находить следы животных и рассказала все, что знала о съедобных грибах и ягодах. Брэнд восхищался ее знанием растений и способностями к врачеванию.

Большой лес... Мэйрин быстро стала королевой в этом темном и густом царстве древних легенд и преданий. Встречались люди, которые боялись незримого и неведомого, но Мэйрин была не из таких. Она знала, что никакое зло не коснется ее, хотя и не понимала, откуда к ней приходит это знание.

Вскоре Ида привыкла не впадать в панику всякий раз, когда ее новая дочь задерживалась на прогулке: Мэйрин оказалась очень изобретательной девочкой и никогда не терялась. Кроме того, Дагда никогда не отходил слишком далеко от своей маленькой госпожи, особенно в первые дни ее жизни в Эльфлиа. Он помогал девочке приносить в замок раненых животных, которых она подбирала, чтобы выходить и исцелить.

Однажды Мэйрин воспользовалась одной из своих особых припарок, чтобы вылечить кухарку, порезавшую ножом тыльную сторону ладони. Порез был глубоким, но рана затянулась на изумление быстро. После этого случая к ней стали обращаться за помощью другие, и через некоторое время оказалось, что забота о больных и раненых в Эльфлиа лежит на плечах Мэйрин, а не Иды.

– Она ведь всего лишь дитя, – удивлялась Ида. – Но у нее уже есть дар врачевания!

– Так пускай применяет его, – сказал Олдвин Этельсберн. Втайне он был очень доволен. Этот обнаружившийся талант Мэйрин лишний раз подтверждал его уверенность в особых умственных способностях девочки. Олдвин еще с самого начала предложил, чтобы Мэйрин училась вместе с Брэндом.

Брат Байярд, наставник Брэнда, не пришел в восторг оттого, что к его нерадивому ученику присоединится еще и приемная дочь лорда. Ида поддержала его.

– Женщины, – надменно сказал брат Байярд Олдвину Этельсберну, – недостаточно разумны, чтобы понимать иностранные языки, географию, философию и математику. Пускай они лучше заботятся о растениях и ткацком станке, как велел им Господь.

Но тан Эльфлиа был настойчив, и Мэйрин начала учиться. И через несколько дней добрый брат Байярд вопреки всем своим взглядам и рассудительности обнаружил, что если в этом доме и есть настоящий ученик, то это не сын, а дочь хозяина.

Сделав все возможное, чтобы наследник тана не остался круглым невеждой, брат Байярд сосредоточил свои усилия на Мэйрин. Цепкий разум девочки, как губка, впитывал все новые знания. Брат Байярд преподавал ей греческий и латынь. Она изучала математику, чтобы иметь возможность наблюдать за бейлифом, если ее будущий муж окажется в отлучке. Она научилась читать и писать на всех языках, на которых говорила. Ее наставник с гордостью заявлял, что почерк у нее не хуже, чем у любого монаха.

Восхищаясь ученицей, которая постоянно задавала ему вопросы, оспаривала ответы, не устраивавшие ее, и за шесть месяцев выучилась всему, что он пытался вбить в голову Брэнду целых пять лет, брат Байярд добавил к программе историю. Он быстро забыл все свои прежние предрассудки относительно женского разума. Он с радостью признал бы, что заблуждался, лишь бы Мэйрин оставалась его ученицей.

Уроки Брэнда окончились, когда ему исполнилось двенадцать лет. Олдвин смирился с тем, что из его сына не получится ученый. Хватит и того, что мальчик сможет прочесть любой документ, поставить разборчивую подпись, уверенно говорить на нормандском языке и понимать математику до такой степени, чтобы его не обманули. Но с дочерью тана брат Байярд продолжал заниматься науками.

Ида то и дело возмущалась этим:

– Зачем ей тратить время на пустяки, милорд? Ей не пригодится в жизни ничего из этих знаний.

Но Олдвин упрямо качал головой.

– Откуда нам знать, что может ей пригодиться? – отвечал он жене. – Кроме того, Мэйрин надо все время сталкиваться с препятствиями. Ты замечала, что она не выносит скуки и однообразия? Если предоставить ее самой себе, любовь моя, она обязательно ввяжется в какую-нибудь неприятность.

Ида в душе соглашалась с этими словами, но продолжала гнуть свою линию:

– Мэйрин должна научиться готовить еду, присматривать за крепостными и ухаживать за огородом. Она должна знать, как солят мясо и рыбу, как сушат фрукты на зиму, как делают мыло и свечи. Чтобы стать хорошей женой, она должна приобрести хозяйственные навыки.

– Ты ее всему научишь, – охотно согласился Олдвин, – но она должна знать и те вещи, которым я хочу научить ее. Я хочу подыскать нашей дочке хорошую партию, Ида. Мэйрин не пара какому-нибудь саксонскому мальчишке. Она красива и, конечно, должна стать женой знатного человека, а когда красота со временем увянет, она сможет удержать своего мужа благодаря острому уму. – Он поцеловал жену и ободряюще похлопал ее по плечу. – Времена меняются, и признаки перемен заметны уже в поколении Мэйрин и Брэнда.

– Ты имеешь в виду нормандского короля, – проницательно заметила Ида. – Ох, Олдвин, я знаю, что в твоих жилах течет нормандская кровь, но почему король Эдуард назначил своим наследником герцога Вильгельма?

– А кого еще он мог назначить? – удивился тан. – Ведь король наполовину нормандец, а своих детей у него нет.

– Но ведь Вильгельм – незаконнорожденный!

– А ты предпочла бы, чтобы Англией правил этот Гарольд Годвинсон, это дьявольское отродье? – гневно спросил Олдвин. – Или какой-нибудь датчанин или норвежец?

– Есть еще этелинг⁵ Эдгар, – заметила Ида. – Он из рода Седриков.

– Верно, – согласился Олдвин, – но он слишком слаб. Он прожил большую часть жизни в Венгрии. Что он может знать об Англии и ее народе? Англичанам нужен сильный король, чтобы выжить в будущей борьбе, и Вильгельм Нормандский может стать таким королем. Другого выбора просто нет, и король Эдуард поступил мудро, избрав Вильгельма своим наследником. И Вильгельм станет королем. Не заблуждайся на этот счет, Ида. Он получит то, что ему обещано. А тот, кто посмеет выступить против герцога Вильгельма, познает силу его ярости. Вот потому-то я и прочу Мэйрин замуж за нормандца. Конечно, нормандские женщины живут не так вольготно, как наши, англосаксонские, но зато нормандские мужчины предпочитают жен, сведущих не только в домашнем хозяйстве, но и в науках.

– Моя мать говорила, милорд, что мужчины не любят мужеподобных женщин.

Олдвин от души рассмеялся.

– Ничто не сделает нашу Мэйрин мужеподобной! Она – самое женственное создание на свете. И немного знаний не повредит ей. Кроме того, она скоро превзойдет тебя за ткацким станком, дорогая моя, а благодаря твоему руководству она уже великолепно вышивает.

Ида расцвела от этих похвал. Она была простой женщиной с любящим сердцем. За всю свою жизнь она ни разу не бывала дальше двадцати миль от дома, где родилась. Жизнь ее сводилась к семье и семейным обязанностям – сперва в отцовском доме, а потом – в мужнином. Ее талант заключался в ведении домашнего хозяйства, и она по праву гордилась этим. И ей было приятно, что Олдвин ценит ее по достоинству.

Относительно Мэйрин Олдвин оказался совершенно прав. Девочка очень быстро начала скучать, если не могла заняться ничем интересным. Она совсем не походила на спокойную тихоню Эдит, да, впрочем, и не старалась походить на нее; быть может, именно поэтому ее так легко приняли в семье Олдвина. Ида улыбнулась своим мыслям. Мэйрин действительно хорошо управлялась с ткацким станком. Сейчас она как раз ткала прекрасное полотно с изящно вплетенными золотыми и серебряными нитями.

Но дело в том, что, овладев ткацким мастерством, Мэйрин тут же заскучала. Возможно, решила Ида, Олдвин действительно прав, позволив девочке учиться вместе с Брэндом. Прежде Ида никогда не сталкивалась с женщинами, которым нравились бы науки, но Мэйрин по-настоящему тянулась к новым знаниям.

Появление в Эльфлиа ирландца Дагды тоже принесло много радости обитателям поместья. Он так хорошо умел обращаться с лошадьми! Никто из крепостных не мог бы сравниться с ним в этом искусстве. Благодаря своему добродушному нраву он никогда не оставался в одиночестве. Женщины тянулись к нему, как мухи на мед, и Дагда восхищался ими всеми, никого не выделяя особо и ухитряясь никого не обидеть. Женщины в Эльфлиа понимали, что любовь и верность Дагды принадлежат Мэйрин.

Ида замечала, что ирландцу нелегко удерживать контроль над Мэйрин, которая была его подопечной со дня своего рождения, но ради безопасности девочки Дагда старался изо всех сил. Ида чувствовала, что их связывают узы глубокой любви, и старалась выказывать уважение этому ласковому великану.

Олдвин Этельсберн предусмотрел все, чтобы упрочить положение Мэйрин. В обмен на обещание кое-каких услуг королю он получил от Эдуарда письменное подтверждение того, что Мэйрин является его дочерью от Иды и имеет все связанные с этим права и привилегии. Теперь она стала обладательницей солидного приданого. Если, не приведет Господь, Брэнд умрет, а у Иды и Олдвина не будет других детей, то Мэйрин унаследует поместье Эльфлиа.

---

⁵ Этелинг – лицо благородного происхождения в англосаксонском обществе.

Брэнду уже исполнилось шестнадцать лет. Он был выше шести футов ростом, очень крепким и сильным. В последние два года в нем развился здоровый аппетит к женскому полу, и перед его привлекательной внешностью и веселым нравом редко кто мог устоять.

Ида начала подумывать о том, чтобы подыскать сыну подходящую жену. Пришла пора охоты за невестами, и это было нелегко, поскольку замок Эльфлиа находился в уединенной местности, вдали от соседей. Иде пришла в голову мысль впервые за много лет навестить своих родных.

– У моих братьев есть дочери, – сказала она. – Быть может, одна из них подойдет нашему сыну.

Брэнд обиженно вытаращил глаза, и его двенадцатилетняя сестренка неудержимо расхохоталась. Брэнд шутливо дернул ее за косичку, а та в ответ показала ему язык. Широко ухмыльнувшись, он заявил:

– Пожалуй, я предпочел бы отправиться в западные холмы, к кимрам, и украсть там какую-нибудь валлийскую дикарку. Надо освежить фамильную кровь.

– Брэнд! – Ида была потрясена, но Олдвин и Мэйрин расхохотались, понимая, что Брэнд просто решил поддразнить чересчур рассудительную мать.

Однако поиски невесты для Брэнда пришлось отложить на некоторое время, поскольку король призвал Олдвина Этельсберна на службу. Вернувшись из Винчестера, тан привез новости, удивившие и перепугавшие его супругу.

Дети же куда больше заинтересовались подарками, чем новостями. Посмеиваясь над жадностью, с которой они накинулись на новые вещи, Олдвин вручил Брэнду и Мэйрин свои приобретения. Сыну он привез кинжал, лезвие которого было выковано в мавританской Испании. Рукоятка кинжала была кельтской работы, покрытая прекрасной эмалью. При виде оружия Брэнд просиял и долго благодарил отца. Девочке же Олдвин привез аметистовые бусы. «Под цвет твоих глаз, моя сладкая», – сказал он крепко обнявшей его дочке.

– А обо мне ты забыл, милорд? – поддразнила его Ида.

– Нет, – неторопливо проговорил Олдвин, – не забыл. Разве не тебе принадлежит мое сердце, любимая? – И он вручил ей отрез алого шелка с золотыми нитями. Ида приоткрыла рот от восторга, а Олдвин продолжал: – Эта ткань из Византии, куда мне вскоре предстоит отправиться. Король назначил меня возглавить посольство, которое должно заключить с этой страной новые торговые договоры.

– Византия? – Для Иды это была сказочная далекая страна, где когда-то в юности побывал ее супруг. Она представления не имела о том, где именно эта страна находится. – Это далеко, милорд? Как долго тебя не будет? – наивно поинтересовалась она.

Олдвин Этельсберн обнял жену за плечи.

– Это очень далеко, любовь моя, – ответил он, – и мы не вернемся до тех пор, пока не заключим нужные королю договоры. Я хочу, чтобы ты и Мэйрин поехали со мной.

– О-о-о, отец! – Мэйрин на радостях заплясала по комнате. – Мы поедем с тобой! Как чудесно! Какое счастье! Неужели мы увидим своими глазами самого императора Византии? Можно сшить мне новое платье для путешествия? Можно мне взять с собой мою лошадь, моего кречета и собаку?

Олдвин рассмеялся.

– Да, Мэйрин, возможно, тебе действительно удастся встретиться с императором. Ты можешь сшить несколько новых платьев и можешь взять с собой свою лошадь. Но собака и кречет останутся здесь, в Эльфлиа.

Мэйрин была вне себя от радости, что сможет побывать в легендарной Византии. Но на лице Иды появилось озабоченное выражение. Она понимала кое-что, чего Мэйрин знать не могла. Здоровье короля оставляло желать лучшего. И вопрос престолонаследия уже стал спорным, хотя Эдуард назначил своим преемником нормандского кузена, герцога Вильгельма.

Королева хотела, чтобы после Эдуарда Англией правил ее брат, Гарольд Годвинсон, и изо всех сил добивалась своей цели. Родственники королевы не принадлежали к королевскому роду. Ее отец, покойный граф Годвин, принудил ее выйти замуж за короля, но не смог принудить Эдуарда войти в спальню молодой жены. Эдуард считал, что граф Годвин виновен в смерти его старшего брата, и не испытывал ни малейшего желания к своей супруге. В какой-то момент он даже отослал от себя королеву. Будучи человеком глубоко религиозным, он склонялся к монашеской жизни. Королевская чета так и не произвела на свет наследников, и ходили слухи, что этот брак, по сути, так и не состоялся.

Власти над Англией добивался также норвежский король. На его стороне была сильная армия, хотя его претензии основывались не на законных правах, а на простой жадности. Ида понимала, что если король Эдуард умрет, пока они будут путешествовать, то в Англии неминуемо начнется война. И что тогда станет с Эльфлиа и его обитателями? И когда Олдвин ответил на ее невысказанный вопрос, у Иды кровь застыла в жилах.

– Брэнд останется в Англии присматривать за нашими землями. Будь у меня выбор, я бы никуда не поехал, но я не могу отказать королю.

«О Пресвятая Дева! – в ужасе подумала Ида. – Если Эдуард умрет, пока нас не будет, разразится война. Как нашему сыну удастся защитить Эльфлиа от Гарольда Годвинсона, норвежца и герцога Вильгельма?» Ида была убеждена, что Олдвин не должен ехать в Византию в такое время.

– Брэнд никогда не станет настоящим мужчиной, Ида, если мы не предоставим ему такую возможность, – сказал Олдвин, снова прочитав ее мысли. Ида зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть от ужаса, когда Олдвин повернулся к сыну. – Я не могу позволить тебе жениться в такое время. Все свои силы ты должен отдать Эльфлиа. Ты теперь в ответе за наших людей, за благосостояние и безопасность поместья. Ты обязан распоряжаться здесь всем до тех пор, пока мы не вернемся.

– Понимаю, отец, – ответил Брэнд, и Мэйрин внезапно показалось, что ее брат стал старше. – Хорошо, что у меня появилась возможность погулять еще немного, пока меня не окрутили, – шутливо добавил он. Широкая улыбка осветила его лицо, но голубые глаза оставались задумчивыми и серьезными. Он понимал свой долг и ответственность, которую возлагал на него отец. Всю свою жизнь Брэнд готовился к тому моменту, когда Эльфлиа перейдет в его руки. И хотя сейчас поместье вручается ему на время, Брэнд с гордостью принял эту ответственность и уже готовился доказать отцу, что справится с нею. – Я буду держать тебя в курсе дел, отец, – проговорил он.

– Само собой, – отозвался отец. – А теперь, сынок, скажи мне, ты знаешь особых белых голубей в нашей голубятне?

– Тех, с черными отметинами?

– Да, – подтвердил Олдвин. – Эти птицы, Брэнд, принадлежат моему другу, Тимону Феократу, богатому купцу из Константинополя. В моей голубятне шесть таких птиц. А у него дома, в Константинополе, шесть моих голубей. Я хочу взять с собой в путешествие еще шесть птиц. Эти птицы особые, Брэнд. Их обучили переносить письма, привязанные к лапкам. Они могут переносить важные новости гораздо быстрее, чем всадник. – Он помолчал немного и продолжил: – Я подозревал, что король отправит посольство в Византию. В тех редких случаях, когда я показывался при дворе, Эдуард всегда подробно расспрашивал меня об империи. Однако я не думал, что он назначит меня главой посольства. Впрочем, я действительно знаю Византию лучше, чем другие англичане. В молодости я много путешествовал и прожил в Константинополе целых два года.

Тогда-то мы и подружились с Тимоном Феократом. И дружба эта сохранилась, несмотря на то что мы не виделись с ним почти пятнадцать лет. Ты, конечно, не можешь этого помнить, но когда ты был еще младенцем, Тимон приезжал в Англию. Именно тогда мы и обменя-

лись голубями. Голубиная почта – древний и проверенный способ пересылки писем на далекие расстояния. Голуби почти всегда долетают до места назначения живыми и здоровыми. Письмо приходит очень быстро; к тому же пернатый гонец никому не проболтается о содержании послания. Каждые три года мы с Тимоном обмениваемся новыми птицами, поскольку почтовые голуби могут надежно служить не дольше трех – пяти лет. Потом они становятся слишком старыми.

Если узнаешь, что король при смерти, отправь по меньшей мере двух голубей. Я – тан Эдуарда. Я не могу стоять в стороне и спокойно смотреть, если сын Годвина попытается занять английский трон. Герцогу Вильгельму наверняка придется повоевать за Англию: Гарольд жаден и ни за что не уступит ему королевство добром. Так что я должен быть в Англии и помочь герцогу, ибо в конце концов Вильгельм все равно победит Годвинсона. Я не хочу потерять свои земли в этой войне. Но ты, Брэнд, должен держаться в стороне от всех сражений, пока я не вернусь.

Если Эдуард скончается до того, как я возвращусь в Англию, ты должен любой ценой сохранить за нами Эльфлиа. Но присягай на верность только Вильгельму Нормандскому. Я – тан Эльфлиа, Брэнд, и таковы мои желания.

– Да, отец! Меня тоже выворачивает при одной мысли, что отродье Годвина может оказаться на троне! Я никогда не присягну ему на верность! Никогда и ни за что!

Олдвин улыбнулся при виде такого рвения и предостерег сына:

– Никогда не говори «никогда», Брэнд. Если тебе придется выбирать между присягой графу Гарольду и поместьем Эльфлиа, я должен быть уверен в том, что ты присягнешь, чтобы не потерять наши земли. Эта земля – наша жизнь, сынок. Наши предки получили ее еще в дни Этельвульфа⁶ и поколение за поколением хранили и приумножали свои владения, так что теперь поместье стало вдвое больше, чем вначале. Мы – одно из древнейших семейств в Мерсии. Не забывай, что в последние годы род Годвина очень сильно окреп. Особенно с тех пор, как Годвин выдал свою дочь за короля. Они чуть ли не лопаются от гордыни. Забыть не могу, как они пренебрежительно относились к доброй супруге графа Леофрика, кузине твоей бабки, леди Годиве. Проехав через Ковентри, она поступила по-христиански. Чтобы совершить это, ей понадобилось настоящее мужество.

– А она действительно проехала обнаженной? – спросила Мэйрин с бестактным любопытством двенадцатилетнего ребенка.

– Да, – сказала Ида, подхватывая рассказ. – Действительно. В то время мне было столько же лет, сколько тебе сейчас. Она была очень красивой женщиной, но красота – не единственное ее достоинство. Природа одарила ее прекрасной душой и добрым сердцем. Помни об этом, дочка. Хорошенькое личико не принесет тебе счастья, если душа будет черна, а сердце – черство.

– Как у леди Бланш, – тихо добавила Мэйрин.

– Да, – подтвердила Ида, – как у леди Бланш. Ох, девочка моя, я-то надеялась, что ты уже избавилась от этих прискорбных воспоминаний.

– Я никогда не забуду леди Бланш де Сен-Бриек, – холодно возразила Мэйрин, но глаза ее просветлели, и она ласково улыбнулась своей приемной матери. – Пожалуйста, расскажите, что произошло дальше с благочестивой леди Годивой.

Ида вздохнула и продолжила рассказ:

– Граф Леофрик обложил население Ковентри налогами, которые показались леди Годиве чересчур тяжкими. Когда она попросила своего супруга снизить налоги, тот отказался. Но леди Годива не отступилась и продолжала умолять графа сжалиться над людьми. Наконец в приступе ярости граф необдуманно заявил, что избавит от налогов жителей Ковентри только

---

⁶ Этельвульф – англосаксонский король (ум. 858).

тогда, когда его жена проедет по улицам этого города обнаженной! Он, конечно, не думал, что леди Годива пойдет на такие условия, и счел этот вопрос решенным в свою пользу. Мне рассказывали, что леди Годива любезно улыбнулась своему супругу, а потом, к ужасу графа Леофрика, приняла его вызов. Взять свои слова обратно он уже не мог и, естественно, был весьма раздосадован.

– А почему он не мог взять обратно свои слова? – поинтересовалась Мэйрин.

– Разве у тебя нет чувства собственного достоинства, дочь моя? – тихо спросила Ида.

– Есть!

– Ну так вот, а мужчины – еще более гордый народ, чем женщины, – объяснила Ида. – Женщина, словно молодое ивовое деревцо, склоняется под порывами ветра и уступает сильнейшему. А настоящий мужчина никогда этого не делает.

Олдвин улыбнулся, услышав от жены такие слова. Глаза его лукаво блеснули, но он мудро промолчал, чтобы дать Иде возможность закончить свой рассказ.

– Узнав о жертве, которую леди Годива собиралась принести ради жителей Ковентри, ее родственницы, жившие по соседству, пришли ей на помощь. Добрые горожане Ковентри, услышав о том, на что готова пойти ради них госпожа, укрылись в своих жилищах, плотно прикрыв ставни, чтобы не выказать непочтения к леди Годиве в этот день.

Граф, уже охваченный стыдом за свой необдуманный поступок, сам усадил леди Годиву на белоснежную кобылу. Она была нагой, как в тот день, когда Господь призвал ее в этот мир. Наготу ее прикрывали только медно-рыжие волосы – такого же цвета, как у меня, и я всегда гордилась этим сходством! Я помню, как в детстве мое сердце преисполнялось счастья оттого, что я состою в родстве с такой прекрасной, отважной и благородной женщиной, как леди Годива.

Граф Леофрик сам распахнул ворота замка, – продолжала Ида. – Он запретил своим слугам выходить во двор в этот день. Леди Годиву сопровождали три монашенки, наши родственницы; две шли по бокам, а третья шествовала впереди и звонила в колокольчик, чтобы предупредить о приближении госпожи.

И все жители Ковентри оставались в своих домах за закрытыми ставнями, молясь за леди Годиву, пока раздавался колокольный звон; ибо звонила не только монашенка, возглавлявшая шествие, но и все церковные колокола в стенах города. Только один негодяй осмелился осквернить нечестивым взглядом благородную госпожу. Это был подмастерье кузнеца по имени Том. Но он дорого заплатил за свою низость: кузнец выхватил из горна раскаленные уголья и выжег этому мерзавцу глаза.

– И что, граф Годвин посмел насмеяться над супругой графа Леофрика, матушка?

– Да, Мэйрин, посмел. Жители Ковентри выгнали ослепленного Тома из города. Он стал бродягой. Через некоторое время его встретили люди графа Годвина и привели к своему господину; тот оставил его при себе, чтобы развлекать гостей. Том пересказывал гостям графа историю леди Годивы. Всякий раз он украшал ее все новыми подробностями, и в конце концов леди Годива и ее супруг стали выглядеть дураками. Граф Годвин и его родные не могли понять, что леди Годива решила на этот шаг ради людей. Граф Годвин превратил всю Мерсию в посмешище, но это не принесло ему счастья. Король Эдуард – человек набожный. Он понял причину, по которой леди Годива согласилась проехать по Ковентри обнаженной. И он почтил графа Леофрика своим уважением и прислушивался к советам его супруги. Если бы не он, Мерсия навсегда бы утратила влияние при дворе. Король даже на время изгнал графа Годвина из Англии, но за год до своей смерти он, увы, вернулся, и его влияние стало сильнее, чем прежде. Именно благодаря доброму сердцу нашего короля твой отец принес ему присягу в первую очередь. Таково было предсмертное желание графа Леофрика.

Ида печально улыбнулась.

– Вот почему, – продолжила она, – король знает твоего отца, и вот почему мы теперь должны ехать в Византию. И все же, милорд, я рада, что нам не придется расстаться. Как

странно, что в таком возрасте я должна покинуть свой дом! Я ни разу не путешествовала за всю свою жизнь. Ты понимаешь, Мэйрин, что даже ты за свои двенадцать лет успела увидеть больше, чем я – за мои тридцать шесть? И еще я боюсь моря.

– Морское путешествие не очень долгое, любовь моя, – приободрил ее Олдвин. – Большую часть пути мы сделаем по суше, но учти: поездка предстоит нелегкая. Кроме меня, другие послы не возьмут с собой семьи. Тебе придется разделять с нами все тяготы пути. Придется оставить дома всех служанок, потому что я не смогу взять с собой повозки. Придется перебираться через горы верхом и успеть, пока не выпадет снег. Короче говоря, особых удобств не обещаю, но и особых опасностей тоже: с нами отправятся молодые воины, которые хотят присоединиться к личной охране императора в Константинополе. Жаль только, что Брэнд не может поехать.

От этих слов у Иды слегка закружилась голова. Она не могла себе представить, что существует другой мир, кроме привычного и знакомого ей; и Брэнд тоже был ей в этом под стать, поскольку он тоже не мог вообразить себе того, чего никогда не видел. И все же Ида понимала, что другие миры существуют и что для тамошних жителей они столь же привычны и надежны, как для нее – Эльфлиа.

Сам же Брэнд ни капли не огорчился, что ему придется остаться дома. Он не расстроился бы, даже узнав, что ему суждено провести в Англии всю свою жизнь. Он любил свои земли, своих лошадей, собак и ловчих птиц. Когда он женится, то подарит свою любовь супруге и детям, которых она родит ему. В отличие от своего отца Брэнд был настоящим англосаксом. Олдвин Этельсберн перенял куда больше от своей нормандской бабки. Он был любопытен и стремился к неизведанному.

Мэйрин тоже была в восторге от перспективы отправиться в дальние страны. Она как раз недавно начала изучать историю Византии и теперь понуждала своего наставника рассказывать все новые и новые подробности об этом легендарном осколке некогда великой и могущественной Римской империи. Брат Байярд охотно уступал ее требованиям. Ему не хотелось расставаться с девочкой, и хотя Олдвин Этельсберн уже подыскал ему новое место в семье, поместье которой находилось сразу за рекой Уай, брат Байярд понимал, что такой способной ученицы у него уже никогда не будет. И он с грустью считал дни, оставшиеся до разлуки с нею.

Мэйрин прожила в Эльфлиа шесть лет. За все эти годы она ни разу не покинула поместья. Она сроднилась с этими холмами и тучными землями полей, с рекой и Большим лесом. С течением времени воспоминания о Бретани потускнели, и мир Эльфлиа стал для нее единственной реальностью. Она полюбила это поместье и долину, но больше всего привязалась к Большому лесу, и проститься с ним было тяжело.

Теплым солнечным днем она в последний раз побывала в своем лесном королевстве. Звери уже привыкли к тому, что она их друг, и не прятались. Нескольких оленей Мэйрин узнавала по отметинам на шкуре и дала им имена. Еще в лесу жила исключительно красивая лисица, которую Мэйрин вылечила несколько лет назад. Каждый год это восхитительное создание с гордостью приносило Мэйрин своих лисят. Девочке очень нравились эти игривые меховые клубочки с острыми, словно иглы, зубами. Мэйрин знала, что будет скучать по ним.

Наступил день разлуки. Брэнд попрощался со своей семьей и пожелал отъезжающим счастливой дороги. Горло у него перехватило, но он был в таком возрасте, когда слезы кажутся признаком слабости для мужчины. И он не хотел выказывать эту слабость перед теми, кто доверил ему заботу о поместье и замке.

Брат Байярд оказался менее сдержанным. Когда Мэйрин порывисто поцеловала его в щеку на прощание, он разрыдался в голос и долго не мог успокоиться. Ида и ее служанки тоже плакали, а лошади нервно били копытами. Олдвин никак не мог решить, стоит ли ему одернуть жену, чтобы побыстрее отправиться в путь, или все же дать ей выплакаться перед разлукой с домом. С ними ехала только одна служанка, бойкая молодая женщина по имени Нара. Она

уморительно выкатывала глаза при виде всей этой суматохи, заставляя Мэйрин неудержимо смеяться. Взглянув на девочку, Нара лукаво подмигнула.

Олдвин улыбнулся и велел Иде взять себя в руки. Та вздохнула, утерла слезы и села в седло. Тан Эльфлиа поспешно дал сигнал к отправлению, и они тронулись в путь. Дагда ехал рядом со своей юной госпожой. Миновав ворота замка, они спустились по пыльной дороге к Олдфорду.

Лошади вброд перешли речушку, и Мэйрин остановилась на мгновение, чтобы окинуть Эльфлиа прощальным взглядом.

– Совсем не так, как в Ландерно, верно, Дагда? – тихо проговорила она. – Я знаю, что мы вернемся в Эльфлиа.

Часть вторая

Византия, 1063 – 1065

НЕВЕСТА ПРИНЦА

Глава 4

После Мэйрин не раз задумывалась, взял бы Олдвин с собой жену, если бы знал, как тяжело Ида будет переносить дорогу. Морское путешествие могло бы оказаться значительно более легким (если бы море было спокойным), и долгие мили, отделяющие Англию от Константинополя, можно было бы преодолеть по морю за более короткий срок. Но англосаксы не любили надолго вверять свою судьбу прихотливой морской стихии и предпочитали более надежные сухопутные маршруты. Поэтому тан Эльфлиа, как и обещал своей жене, по возможности избегал моря.

Однако пересечь водное пространство, отделяющее Англию от Нормандии, было необходимо. С этим управились быстро. Отряд состоял из шести представителей торгового посольства к императору, трех женщин и пятидесяти молодых людей, отправляющихся на службу в личную гвардию императора Константина X Дуки. Они быстро проехали через Нормандию в Иль-де-Франс, затем – через королевство Аквитанию и наконец попали в Лангедок, двигаясь по дорогам, построенным еще римлянами тысячу лет назад.

От Марселя они направились на восток вдоль побережья, проезжая по пути через многочисленные мелкие государства – Геную, Парму, Модену, Булонь. В Бриндизи они сели на корабль, чтобы переплыть Адриатическое море и попасть в Македонию. Морское путешествие заняло один день, и пока они вновь не оказались на суше, Ида не выпускала из рук четки из белого коралла, без конца нервно перебирая их пальцами. Каждый день они проезжали двадцать пять – тридцать миль, отправляясь в дорогу на рассвете и останавливаясь на ночлег лишь тогда, когда на закате угасал последний солнечный луч. Поначалу яркие летние дни казались похожими один на другой, как близнецы, но когда путники добрались до Македонии, дни стали заметно короче, а Ида начала выказывать явные признаки сильного переутомления. В Фессалониках Олдвин понял, что его жена не сможет продолжать путешествие в таком быстром темпе.

Несмотря на все протесты Иды, он велел подыскать судно, которое доставило бы посольство короля Эдуарда из Фессалоник прямо в Константинополь. Ида с удивлением нашла это путешествие приятным. Корабль легко преодолел бирюзовые воды Эгейского моря, прошел Дарданеллы и выпорхнул в Мраморное море. Сидя на палубе под яркими лучами солнца и вдыхая теплый, но освежающий бриз, Ида почувствовала, что силы возвращаются к ней. И когда путники наконец добрались до легендарной византийской столицы, она полностью пришла в себя.

Мэйрин уже больше часа мерила шагами палубу. Капитан пообещал, что они войдут в константинопольскую гавань до полудня. Погода стояла прекрасная, и в Мраморном море оживленно сновали суда. Навстречу попадались лодки из Далмации и Кроации, фелуки с Востока, большие галеры, принадлежавшие купцам из Венеции, Генуи и Амальфи. Порой встречались и суденышки с греческих островов. Путники раскрыли рты от изумления, когда мимо торжественно проплыл огромный дромон, парусно-весельный корабль императорского флота Византии.

Олдвин уже видал дромоны. Он пояснил своим спутникам, что на каждом таком судне более двух сотен гребцов и около семидесяти матросов. На носу дромона высилась деревян-

ная орудийная башня, прикрывавшая три жерла, которые извергали «греческий огонь»⁷. На верхней палубе стояли катапульты, стрелявшие огненными ядрами, которые предварительно пропитывали маслом и поджигали. «Греческий огонь» был тайным оружием византийцев, и все страшно боялись его, поскольку не знали никакого средства защиты. Рассказ тана Эльфлиа весьма впечатлил юных саксонских воинов, собиравшихся вступить в императорскую гвардию.

Внезапно Мэйрин воскликнула:

– Отец, смотри! Мама, смотри! Это город! Это Константинополь!

Взглянув, куда указывала девочка, Ида невольно разделила ее детское восхищение. И даже Олдвин, для которого зрелище это не было новым, застыл, зачарованный великолепным видом.

Капитан улыбнулся.

– Вот так красота, верно? – почти благоговейно проговорил он. – Я прожил здесь всю жизнь, но до сих пор не устаю удивляться. Это поистине царь городов.

Олдвин медленно кивнул.

– Прошло так много лет с тех пор, как я в последний раз видел этот город, – сказал он. – Но только сейчас я понял, насколько мне его не доставало.

Константинополь, столица Византии, и впрямь поражал воображение при взгляде с моря. Подобно Риму, этот город располагался на семи холмах и был окружен высокими каменными стенами двадцати пяти футов толщиной. Со стороны суши стены поднимались на высоту трех этажей над рвом шестидесяти футов шириной и двадцати двух – глубиной, который обычно был сухим, но во время осады заполнялся водой. Со стороны моря стены достигали в высоту двадцати футов и, так же как и со стороны суши, перемежались сторожевыми башнями, возвышавшимися еще на двадцать футов над уровнем стен. На башнях стояли машины для стрельбы «греческим огнем», катапульты и лучники.

С палубы корабля можно было различить огромный позолоченный купол самой знаменитой константинопольской церкви Святой Софии; виднелись и другие церкви, монастыри и общественные здания. Корабль прошел мимо нескольких гаваней, окруженных стенами, – Элевтерии, Контоскалиона и гавани Юлиана, – и миновал великолепную церковь Святых Сергия и Вакха.

– Смотрите, – показал Олдвин, – это Буколеон, императорская гавань. Здесь стоят на якоре только суда, принадлежащие императору и его семье. Видите маяк? За ним – дворец императора.

Мэйрин с любопытством вглядывалась в указанном отцом направлении, но так и не смогла различить императорский дворец среди садов, разнообразных построек и церквей, раскинувшихся на террасах и лесистых склонах, которые тянулись уступами к югу и юго-востоку от Мраморного моря и Босфорского пролива. Когда корабль обогнул мыс, Олдвин снова заговорил:

– Смотрите! Там, справа – города Пера и Галата. Они тоже обнесены стенами. Видите эти цепи? Во время опасности их протягивают из Перы через эту бухту, которая зовется Золотым Рогом, к сторожевой башне Константинополя. И тогда никто не может прорвать оборону Золотого Рога.

– Мы поворачиваем к берегу, отец, – заметила Мэйрин.

– Да, дочка, мы причалим в гавани Фосфорион. Надеюсь, нас будут встречать: императора известили о нашем прибытии. Думаю, нас поселят на территории императорского дворца.

– Как ты думаешь, нас не сразу пригласят к императору? – озабоченно спросила Ида. – У нас ведь еще нет подходящих платьев! Я не хочу посрамить свою страну!

---

⁷ «Греческий огонь» – зажигательная смесь, бывшая в употреблении с VII по XV в.

Олдвин улыбнулся. Путешествие продлилось больше двух месяцев, но Ида уже успела оправиться от всех его тягот.

– Мы успеем заказать платья и для тебя, и для Мэйрин, любовь моя, – пообещал он. – Ведь наше посольство не считается настолько срочным, чтобы вызывать нас ко двору в день прибытия. Император устроит официальный прием в надлежащее время.

Корабль вошел в гавань Фосфорион и встал на якорь у причала. Как и предсказывал тан, путников встретил отряд гвардейцев и представитель императора. К восторгу Олдвина, этим представителем оказался его старый приятель, Тимон Феократ. Они радостно приветствовали друг друга.

– Император поручил мне принять посольство и вести с вами переговоры, – с улыбкой сообщил Тимон Феократ, и Олдвин представил его своим спутникам.

– Мой друг, Тимон Феократ. Вульфхир из Лондона, Уилфрид из Йорка, Этельберт из Глостера, Ричард из Винчестера и Альфред из Лондона.

– Добро пожаловать, друзья мои, – произнес византиец. – Я счастлив приветствовать вас в Константинополе! Уверен, что вы останетесь довольны вашим визитом.

Он проводил англичан на пристань, где их уже ожидали лошади. Для женщин подготовили удобную повозку, запряженную парой лошадей. Они проехали через ворота Евгения в город и ко дворцу.

По традиции императорская гвардия Византии состояла из скандинавских викингов; лишь недавно в нее стали принимать англосаксов. Мэйрин с удивлением ощутила трепет, когда ее поднял и усадил в повозку невероятно красивый молодой человек с золотыми волосами до плеч и небесно-голубыми глазами. Нечаянно встретившись с ним взглядом, она заметила, что в его глазах вспыхнули искорки веселья при виде ее невинного удивления. Мэйрин, вздрогнув, оторвала его руки от своей талии, где они задержались чуть дольше положенного, и викинг озорно усмехнулся. Мэйрин зарделась от смущения.

Ида, от бдительного взора которой не ускользнула эта немая сцена, тихо, но властно спросила:

– Как тебя зовут, стражник?

Молодой гвардеец торопливо ответил:

– Эрик Длинный Меч, госпожа.

– Спасибо, что помог моей дочери, Эрик Длинный Меч, – сказала Ида с улыбкой, означающей, что беседа окончена. Юноша почтительно поклонился, а Мэйрин из-за спины матери показала ему язык.

Когда Ида отвернулась, Эрик Длинный Меч подмигнул Мэйрин. Девушка снова покраснела до корней волос. Она пыталась понять, почему она не осадил этого ужасного человека. Да и вообще, почему она задается такими вопросами? Но ведь, по правде говоря, еще ни один мужчина не смотрел на нее так внимательно. Дома ее считали всего лишь маленькой дочкой Олдвина Этельсберна, но здесь... здесь ее никто не знал. Неужели этот стражник увидел в ней женщину? В конце концов через две недели ей исполнится тринадцать лет! Она едва справлялась с нетерпением: ей хотелось скорее добраться до зеркала и оценить перемены, произошедшие в ней за время путешествия.

Ида улыбнулась про себя, прочитав мысли дочери. Мэйрин никогда еще не испытывала на себе внимания со стороны противоположного пола, и сейчас наверняка пребывает в смущении. Ида обнаружила, что ее дочка стала взрослой. Скоро придется подыскивать ей мужа.

Они ехали по улицам города, где купеческие дома средней руки соседствовали с хижинами и великолепными виллами богачей. На улицах толпились разносчики, переходившие от двери к двери, нараспев выкрикивая цены на свой товар, предлагая горожанам свежий хлеб, цветы, фрукты и овощи, певчих птиц в клетках и свежельовленную рыбу. Все прохожие расступались перед пышной процессией.

Тимон Феократ ехал рядом с повозкой, вкратце излагая женщинам историю своего города. Он сказал, что на этом месте еще с незапамятных времен было поселение, но многие связывали формальное основание города Византия с древними греками. Большая часть построек той эпохи, так же как и времен Великой Римской империи, уже исчезла. Купец пояснил, что эти здания погибли во время большого пожара в 532 году. Пожар полыхал целых пять дней, а за ним прокатилась волна народных бунтов.

Правивший тогда император Юстиниан сровнял с землей половину города. Потом он отстроил Константинополь заново, ибо все величественные постройки, возведенные при великом Константине (в честь которого ныне называлась столица), оказались уничтожены, включая и священную Софию. Юстиниан восстановил все разрушенное, превратив Константинополь в невероятно прекрасную, великолепную столицу. Его преемники продолжили застройку города. Со временем был расширен императорский дворец, возведены новые дворцы и церкви, разбиты парки и сады; городские площади украсились статуями.

Любопытная Нара слушала, приоткрыв рот, и глядела во все глаза. Ида задыхнулась от изумления, когда процессия проехала под аркой Миллиона на Августеум – главную городскую площадь. По левую руку возвышалась великая константинопольская церковь Святой Софии. Впереди красовалось изящное здание Сената. Свернув направо, они обогнули стену дворца и оказались перед главными воротами, носившими имя Халке – Бронзовые Врата, ибо они были отлиты из настоящей бронзы и покрыты позолотой.

Всадники спешили, женщинам помогли выбраться из повозки. Чувствуя себя карликами по сравнению с невообразимо огромными постройками, они проследовали за Тимоном Феократом в вестибюль императорского дворца.

– Посмотрите наверх, – предложил Тимон.

Путники увидели, что потолок украшен мозаикой, изображавшей Велизария, великого полководца Юстиниана, возвращающегося с триумфом в Константинополь после славных побед. Опустив глаза, гости заметили, что стены и полы Халке сложены из прекрасного мрамора дивных цветов – изумрудно-зеленого, ослепительно белого и темно-красного. Белые плиты порой пересекали волнистые линии сапфирно-синих тонов.

Юные саксонские воины были потрясены и не могли вымолвить ни слова. За всех высказалась Ида:

– Такой красоты на свете не бывает. Наверное, мы все умерли и попали в дом Божий.

Она говорила медленно, на латыни – универсальном языке, который отлично понимали здесь, в Византии. Она очень долго пользовалась только своим родным языком, но во время путешествия Олдвин и Мэйрин настаивали на том, чтобы Ида упражнялась в латыни, иначе ей трудно было бы вписаться в новую жизнь.

Низенький, пухленький Тимон Феократ просиял от удовольствия, услышав ее слова. Он очень гордился своим городом.

– Я передам императору ваш благосклонный отзыв, госпожа, – произнес он, проводя гостей через Халке к огромному парку.

Перед ними раскинулась просторная территория дворца с разнообразными постройками. Здесь были церкви и фонтаны, сады и террасы, стадион и закрытый манеж, пруды с цветущими лилиями, бассейны и кладовые, конюшни и водостоки, караульные помещения, жилища слуг, подземные темницы и зверинец. Саксонские воины отделились от посольства и последовали за византийскими гвардейцами, сопровождавшими гостей по пути из гавани. Олдвин со своими женщинами и английские послы двинулись дальше за Тимоном Феократом, который продолжал беседовать с гостями.

– Для послов отведены просторные и удобные апартаменты во флигеле Нового Дворца, – говорил он. – Ты, друг мой, поселишься со своей семьей в маленьком домике в саду с видом на море. Туда мы и направимся первым делом: уверен, твоей супруге не терпится увидеть свой

новый дом и тотчас же взяться за обустройство. Моя жена точно такая же. – Он лучезарно улыбнулся Иде. – Женщины, – снисходительно добавил он, – всегда предсказуемы!

Они остановились перед небольшим мраморным зданием, и Тимон произнес:

– Вот мы и пришли, друзья мои. Это ваш новый дом, Садовый Дворец.

Слуги выбежали им навстречу и ввели новых хозяев в их жилище. Гостей поразило богатое убранство дворца. Пройдя в ворота, они оказались в холле – квадратном помещении с колоннами из красного оникса и зеленого мрамора. Пол покрывали плитки мозаики, изображавшей золотые солнечные лучи на фоне синего неба.

– Я – Зенон, дворецкий, – произнес приятный на вид мужчина, выступив из толпы слуг. – От имени императора приветствую вас в Садовом Дворце. – Он говорил на чистой латыни, неторопливо и отчетливо, и даже Ида, к своему большому облегчению, с легкостью понимала его речь.

– Это – английский лорд, Олдвин из Эльфлиа, – представил Тимон Зенону. – Это – его супруга, леди Ида, и их дочь, леди Мэйрин. – Затем византиец повернулся к своему другу: – Ну, мне придется покинуть вас, чтобы устроить остальных посланников в Новом Дворце. Зенон ответит на все ваши вопросы и предоставит все необходимое.

– А когда мы сможем приветствовать императора от имени короля Эдуарда? – спросил Олдвин.

– Этого мне пока не сообщили, – ответил Тимон. – Думаю, вам дадут время восстановить силы после утомительного путешествия, прежде чем вы предстанете перед его величеством. Отдохните несколько дней. Уверен, вам вскоре назначат время приема. А пока что мы не знаем даже, когда начнутся переговоры. Я зайду к вам завтра, и мы вспомним старые времена. – Он учтиво поклонился Иде и Мэйрин и, помахав Олдвину на прощание пухлой ручкой, удалился. Английские послы торопливо двинулись за ним.

– До тех пор, пока вы – гости императора, весь дворец находится в вашем полном распоряжении, – сказал Зенон. – Не угодно ли взглянуть на апартаменты? Я лично буду сопровождать вас при осмотре здания, чтобы вы скорее привыкли к новой обстановке. – И, не дожидаясь ответа, Зенон повел их вверх по широкой мраморной лестнице на второй этаж. – Все постройки, – продолжал Зенон, поднимаясь по ступеням, – находящиеся на территории священного императорского дворца, тоже называются дворцами. Но это здание не более чем удобная и красивая вилла.

Я заметил, что вы привезли с собой всего лишь двоих слуг. Распоряжусь, чтобы к вам прислали еще людей. Ну вот мы и пришли. – Он распахнул обе створки дверей. – Апартаменты господина и госпожи! Юная госпожа тоже получит отдельные покои. Если вы пройдете в зал, я укажу ей дорогу.

– Возьми Нару к себе, мама, – сказала Мэйрин, понимая, что ее мать будет чувствовать себя спокойнее с их служанкой.

– Дагда должен остаться со мной, – сказал тан по-английски. – Если он поселится в твоих апартаментах, это может вызвать нехорошие пересуды, дочка.

– Твой отец прав, – подтвердил ирландец.

– Понимаю, – согласилась Мэйрин. – Все правильно, отец. Я хорошо говорю по-гречески и быстро освоюсь. Дагда сможет сопровождать меня за пределами дворца.

Представления Зенона об англичанах сложились на основе наблюдений за неотесанными англосаксонскими юнцами из императорской гвардии. Так что дворецкий был восхищен, обнаружив, что знатные англичане – вполне цивилизованные люди. Еще больше он обрадовался, узнав, что Мэйрин умеет говорить по-гречески: греческий был официальным языком Византии, сменившим латынь восемь лет назад, когда византийская церковь порвала с римской.

Теперь, когда Мэйрин заговорила с Зеноном на языке его страны, дворецкий стал еще более приветлив. Открыв одну створку резной двойной двери, он пропустил Мэйрин в просторную комнату с высоким потолком.

– Вот ваши покои, юная госпожа. – Пройдя через комнату, он распахнул еще одну резную дверь. – Ваша спальня, – сообщил он.

Одна стена главной комнаты почти целиком состояла из окон. Подойдя к ним, Мэйрин воскликнула:

– Какие прекрасные сады! Какой поразительный вид на море, Зенон! О, я счастлива, что попала в этот сказочный город!

Дворецкий с гордостью улыбнулся.

– Добро пожаловать в Константинополь, юная госпожа! Наша столица – город прекрасных женщин, но такой красавицы, как вы, мне еще не доводилось встречать. Простите меня за дерзость, но я еще ни разу не видел таких волос и цвета кожи, как у вас.

– В моей стране много таких, как я, – ответила Мэйрин, слегка рисуясь. Прежде ее еще никто не называл красавицей, даже слуги. Ей еще сильнее захотелось взглянуть на себя в зеркало и увидеть, какие перемены произошли в ней за время странствий.

– Вы, наверное, хотите отдохнуть после долгого пути, – сказал Зенон. – Я прикажу, чтобы вам принесли вина со льдом и пирожных, юная госпожа. Я лично отберу девушек, которые будут вам прислуживать. Редкому самоцвету подобает драгоценная оправа. – Дворецкий поклонился и удалился.

Вздохнув с облегчением, что наконец осталась одна, Мэйрин принялась изучать свои новые покои. Пол в главной комнате был сделан из бледно-золотистого мрамора. На стенах чередовались широкие полосы золотого и кремового мрамора. Потолок покрывала позолота. Мебель, столы, стулья и спинки кушеток тоже были позолочены и инкрустированы слоновой костью. На стенах висели серебряные светильники, украшенные полудрагоценными камнями. На полу, рядом с дверями спальни, стояла великолепная ваза, вырезанная из сиреневого камня, наполненная павлиньими перьями.

Мэйрин с любопытством прошла в спальню, и у нее перехватило дыхание от восторга. На мраморных стенах красовалась яркая роспись, изображавшая процессию музыкантов и танцовщиков. Каждая панель росписи была заключена в раму из позолоченного дерева, украшенную кораллами, ляпис-лазурью и жемчужинами; от соседних панелей ее отделяли полосы золотистого мрамора. Пол был сложен из плит кремового мрамора с волнистыми зелеными линиями.

У одной стены стояла кровать из резного дерева, покрытого позолотой. Над кроватью возвышался балдахин из бледно-зеленого шелка, под цвет покрывалу на постели. У кровати, на маленьком столике, инкрустированном слоновой костью, стоял серебряный светильник с благовонным маслом. Как и в главной комнате, одну стену в спальне целиком занимали окна, выходящие на императорские сады и простиравшееся вдаль море.

Мэйрин распахнула следующую дверь и увидела маленький коридорчик, оканчивающийся еще одной дверью. Охваченная любопытством, она медленно прошла по коридору и обнаружила комнату, покрытую разноцветными плитками. Посреди комнаты голубел небольшой бассейн; Мэйрин не могла понять, для чего он предназначен. Пожав плечами, она вернулась в спальню, и тут ей в глаза бросилось нечто, ускользнувшее прежде от ее внимания. Зеркало! И не просто полированный металлический круг, а настоящее стекло! И такое большое, что Мэйрин могла увидеть всю себя, с головы до ног!

Она долго рассматривала собственное отражение, как зачарованная. А потом со вздохом отвернулась. В ней не произошло никаких заметных перемен. Тут в комнату вошла ее мать.

– Что случилось, дитя мое? Ты чем-то огорчена? – спросила Ида.

– Я была уверена, что сильно переменилась, мама, – ответила Мэйрин.

– Ты меняешься каждый день, дорогая! Растешь.

– Нет, я выгляжу точь-в-точь, как в тот день, когда мы покинули Англию. И все же дворецкий Зенон сказал, что я красива. Я действительно красива, мама?

Ида поколебалась, но затем, решив, что честность – лучше всего, ответила:

– Да, дочь моя, ты очень красива.

– Но ведь я выгляжу так же, как всегда! – воскликнула Мэйрин.

– Ты всегда была красива, Мэйрин, – со смехом отозвалась Ида. – Я помню, что подумала об этом, когда увидела тебя в первый раз. Просто ты привыкла к себе и никогда не была самовлюбленной. Кроме того, видишь ли, некоторые перемены в тебе происходят внутри и необязательно должны быть видимы. Помнишь, как ты сегодня смутилась, когда тебе помогал тот молодой гвардеец? А он смотрел на тебя, как положено молодому мужчине смотреть на привлекательную девушку. И поскольку никто прежде не смотрел на тебя так, ты почувствовала это особенно остро. – Ида улыбнулась. – В этом нет ничего необычного, дочь моя.

Мэйрин снова взглянула на себя в великолепное зеркало.

– Ох, мама, – проговорила она со вздохом. – Я даже не знаю, хочется ли мне расти! Я так странно себя чувствую: словно это уже и не я, а кто-то другой!

Ида снова рассмеялась.

– В твоём возрасте я чувствовала себя точно так же, – сказала она. – Но, увы, дорогая моя, время не остановишь. Оно бежит вперед, что бы мы о нем ни думали. – Она обняла девочку за плечи. – Зенон пришлет сегодня во дворец нескольких искусных швей. Угадай, что я обнаружила в наших апартаментах? Прекраснейшие на свете ткани! Это – подарок от супруги Тимона Феократа. Представь себе только, какая щедрость! Она ни разу нас не видела, а уже выказывает такую доброту! Я даже не знаю, чем отплатить ей за эту любезность. Теперь у нас будут модные платья, чтобы явиться на прием к императору! Пойдем выберешь, что тебе по душе.

Следующие несколько дней Мэйрин и ее мать провели в хлопотах. Хотя англосаксонская земля славилась своими тканями, наряды англичанок не шли ни в какое сравнение с роскошными византийскими материями. Жена Тимона прислала отрезки парчи восхитительных цветов рубина, изумруда, сапфира, аметиста и топаза; тончайшие шелка с золотыми и серебряными нитями, прозрачные, словно утренний туман, нежно-розовые, зеленоватые, как морская волна, персиковые, аквамариновые, золотистые.

Мэйрин была очарована великолепием тканей; Ида же вдобавок сумела оценить мастерство и воображение, потребовавшиеся для их создания. Императорские швеи сшили для них ошеломляюще прекрасные платья. Даже практичная Ида, всегда отличавшаяся простотой вкусов, не смогла отказаться от удовольствия покрасоваться в таких роскошных нарядах. Ее прежний страх перед визитом к легендарному императору Византии растаял при виде платьев, достойных взора великого властелина. Все английские послы не замедлили выразить восхищение этими нарядами.

– Сначала я не хотел, чтобы с нами ехали женщина и ребенок, – заметил Вульфхир из Лондона, – но, увидев вас в столь великолепном платье, Ида из Эльфлиа, переменил свое мнение и рад, что вы присоединились к нам. Вам мы будем обязаны немалой толикой изящества, а в таком пышном городе, как Константинополь, это многое значит.

– Хорошо, что византийцы увидят женщину и девочку из нашей страны, – добавил Этельберт из Глостера. – Они поймут, что мы – такие же люди, как они. Кроме того, – голубые глаза посла весело блеснули, при взгляде на малышку Мэйрин, – они совсем потеряют голову, и это нам только на руку.

Товарищи Этельберта кивнули, соглашаясь с ним. Константинополь славился красавицами: блондинками с кожей цвета белой розы и брюнетками, смуглыми и золотистыми, голубоглазыми и кареглазыми, зеленоглазыми и черноглазыми красотками. Но ни у кого во всем

городе не найти таких огненных золотисто-рыжих кос, как у Мэйрин, так восхитительно контрастирующих с нежной белизной ее кожи.

Обычно при таком цвете кожи и волос у женщин светлые глаза, но глаза Мэйрин были совершенно необычного оттенка: порой они казались аметистовыми, порой – темно-синими, порой – фиолетовыми, в зависимости от ее настроения. Если прибавить к этому идеальное совершенство черт лица, то можно понять, что красота ее казалась людям почти невероятной. Мэйрин была одним из тех удивительных созданий, которые с каждым взглядом на них кажутся все более и более прекрасными. Она была еще почти ребенком, но слухи о ее красоте уже разнеслись по всей столице и достигли даже императорского двора.

Константин X, представитель рода Дуков, занял императорский трон в 1059 году. Его предшественник, Исаак I из рода Комнинов, был превосходным императором, но, к несчастью, правление его продолжалось всего два года. Византийцы оплакивали его смерть, ибо два предыдущих императора, Михаил VI и Константин IX, были слабыми людьми и ничем особенным не прославились, хотя в последний год правления Константина IX византийская церковь отделилась от римской.

Константин X оказался совершенно очаровательным, хотя тоже слабым, и несмотря на то, что в его правление не произошло никаких крупных государственных событий, при дворе нового императора процветали искусства и благоденствовали художники, певцы и литераторы. Император любил и ценил красоту; услышав о прелестной Мэйрин, он решил назначить аудиенцию торговому посольству короля Эдуарда на значительно более ранний срок, чем собирался прежде. Ему не терпелось увидеть английскую девушку, и он не стал скрывать этого в беседе со своим любимым кузеном Василием.

– Интересно, окажется ли она под стать вам, мой кузен принц? – шутливо спросил он. Василия Дуку называли прекраснейшим из византийцев.

– Если да, то мне придется жениться на ней, чтобы у нас родились идеальные дети, ваше величество, – нимало не смутившись, ответил принц. Василий Дука был не только красив, но и сообразителен.

Император улыбнулся.

– А что скажет Велизарий, если ты женишься? Он не потерпит соперницы, Василий. Он очень ревнив.

Принц нахмурился, но даже в раздражении остался привлекательным.

– Мне тридцать лет, Константин, в числе моих любовников были и красивые мужчины, и прекрасные женщины. Велизарий знает, что рано или поздно мне надо взять жену. Ведь у меня должны появиться наследники. Впрочем, кузен, ты прав в одном своем наблюдении. Велизарий действительно очень ревнив. По-моему, даже чересчур ревнив. И я не хотел бы огорчать его: он – один из величайших актеров наших дней и доставляет мне немалое удовольствие своей игрой. И расстанусь я с ним куда спокойнее, чем с моей предыдущей любовью. Помнишь Елену Мономах? Помнишь, как она пыталась выдать за моего ребенка сына от своего темнокожего любовника? Мне это обошлось бы в целое состояние. Слава Богу, когда она наконец родила, все увидели, что у ребенка темная кожа, широкий плоский нос и курчавые волосы. За всю историю нашей семьи, Константин, такого скандала еще не было ни разу!

Император улыбнулся и произнес:

– Ты думаешь, эта маленькая англичанка в самом деле окажется красавицей, Василий? Я еще никогда не слышал столько разговоров о девочке, которая даже еще не стала женщиной. Говорят, она уже не может выйти в город, потому что люди толпами следуют за ней. Они пытаются дотронуться до ее волос, желая убедиться, что они настоящие. Кое-кто утверждает даже, что это не волосы, а пламя, горящее вокруг ее головы. – Бледно-голубые глаза императора сверкнули от любопытства.

Принц от души расхохотался.

– Бедное дитя, – сочувственно заметил он. – Скоро эта чернь начнет приписывать ей всякие чудеса и бедствия. Ну ладно, увидимся позже! До вечера!

* * *

Мэйрин не могла найти себе места от волнения. Она еще никогда не видела настоящего императора, да и своего короля тоже, но, впрочем, не сомневалась, что Эдуард Английский оказался бы невзрачным по сравнению с великолепным правителем Византии. Мэйрин пристально рассматривала свое отражение в зеркале.

На ней прекрасно сидело платье из сиреневой парчи с золотыми и серебряными нитями, с широкими рукавами, надетое поверх нижней туники золотистого цвета, с рукавами поуже. Оба платья – с высокой круглой горловиной, но нижняя туника доходила до пола, а верхняя опускалась лишь чуть ниже колен. Мэйрин почему-то почувствовала себя гораздо старше в этом новом наряде.

Зачем только мама настояла, чтобы она распустила волосы по плечам! Это так по-детски! Мэйрин глубоко вздохнула. Ведь завтра ей исполнится тринадцать лет! В этом возрасте девушки уже выходят замуж, но Мэйрин прекрасно знала, что отец еще не нашел ей жениха. Когда она пыталась заговорить с Олдвином на эту тему, тот лишь ласково улыбался и отвечал:

– Еще не время, ангел мой. Я не хочу отдавать тебя первому встречному. Ты, моя милая Мэйрин, должна стать женой замечательного человека.

«Что такое замечательный человек?» – с недоумением думала она.

– Посмотри на свою переносицу, дитя мое, – сказала Ида, появляясь из-за плеча дочери. – Там – складка. О чем это ты так глубоко задумалась?

– Неужели нельзя сделать прическу, мама?

Ида с усилием сдержала улыбку.

– Нельзя, – твердо ответила она. – Ты – молодая девушка, дочь моя. А у нас принято, чтобы молодые девушки носили волосы распущенными или заплетали их в косы. И мне кажется, что сегодня тебе лучше не заплетать косы. Я кое-что принесла, смотри. – Ида накинула на голову Мэйрин прозрачную вуаль из золотого шелка и закрепила ее изящным золотым обручем, украшенным речными жемчужинами.

Мэйрин широко распахнула глаза от восторга.

– О-о-о, мама! До чего красиво! – Она обвила руками шею Иды. – Спасибо! Спасибо! – Мэйрин снова повернулась к зеркалу. – Теперь я выгляжу старше, правда, мама? Я хочу сказать, что не кажусь ребенком, правда?

– Ты выглядишь, как настоящая маленькая леди, дочь моя, – ответила Ида.

Мэйрин перевела взгляд со своего отражения в зеркале на лицо матери и с жаром проинесла:

– Ты так прекрасна в этом византийском наряде, мамочка! Прости, что я занята только собой и до сих пор даже не взглянула на тебя.

Она с восхищением окинула взглядом прелестное платье из ярко-зеленого шелка, расшитое золотыми нитями, жемчужинами, темно-зелеными перидотами и золотыми бериллами, надетое поверх серебристо-зеленой нижней туники. Медно-рыжие волосы Иды были искусно уложены в сложную высокую прическу; надо лбом их поддерживала лента, украшенная самоцветами.

Ида улыбнулась похвале.

– О да, – со значением отозвалась она. – Я очень довольна здешними служанками. Нара многому у них научилась. Когда мы вернемся в Англию, она будет прислуживать тебе. Но мы слишком заболтались, дитя мое! Твой отец и послы давно нас ожидают. Наверное, уже потеряли всякое терпение. Надо поторопиться!

Император принимал торговое посольство короля Эдуарда в Большом Зале своего дворца. К удивлению англосаксов, он прислал им роскошные одеяния из темно-синего и желтого шелка, в которых им следовало явиться на этот торжественный прием. Послов проводили императорские евнухи; женщинам велели ожидать в конце зала, пока их не пригласят. Главный евнух доверительно сообщил Иде, что императору не терпится увидеть девочку с огненными волосами. При этих словах евнух застенчиво и торопливо коснулся локона Мэйрин. Ида отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

Увидев, что на него никто не обиделся, евнух продолжал болтать с Идой:

– Сегодня император будет восседать на Троне Соломона. Можете поверить, госпожа, вы еще никогда не видели ничего подобного. Ничего не бойтесь, вы здесь в полной безопасности, – заключил он свою речь этой загадочной фразой. Ида и Мэйрин переглянулись, не понимая, что он имеет в виду.

Большой Зал императорского дворца оказался великолепнейшим местом, какого им еще никогда не доводилось видеть. Стены – из белого мрамора и отделены от пола и потолка лентами из чистого золота. Потолок поддерживали колонны из темно-красного с золотыми прожилками мрамора; зал освещался огромной золотой люстрой, подвешенной на толстых цепях из посеребренной меди. Мраморный пол был усыпан благоуханными розами, листьями лавра и плюща, розмарином и другими травами. Двигаясь к помосту, послы наступали на разбросанные под ногами цветы, и воздух наполнялся экзотическим букетом ароматов.

По знаку евнуха Ида и Мэйрин остановились поодаль. Отсюда им все было прекрасно видно. В дальнем конце зала восседал на троне император Константин X, облаченный в длинную, с плотными рукавами тунику из белого шелка и пурпурную мантию. Спереди и на спине мантию украшали расшитые квадраты золотой ткани. На ногах императора были алые атласные туфли, усыпанные драгоценными камнями. Корона в виде полушария плотно прилегала к его голове; она вся сверкала драгоценными камнями и крупными жемчужинами, часть которых свисала на золотых нитях на спину, до самого ворота.

Императора окружали его личные охранники, большинство которых происходило из знатных византийских семейств. Прочие были сыновьями богатых людей, так или иначе доказавших свою верность короне. Кроме того, в зале находились гвардейцы-варяги.

К своему восторгу, Мэйрин заметила среди них и Эрика Длинный Меч. Он стоял достаточно близко, и Мэйрин надеялась, что он обратит внимание на ее роскошный наряд. Однако, к ее немалой досаде, Эрик продолжал неотрывно смотреть куда-то прямо перед собой. Она перевела взгляд на посольство и с изумлением обнаружила, что резные золотые львы, украшенные драгоценными камнями, которые заменяли ручки императорского трона, двигаются, как живые!

– Мама! – прошептала она, дернув Иду за рукав.

Женщины вытаращили глаза и приоткрыли рты, что доставило евнуху большое удовольствие. Львы на императорском троне не только двигались: они еще разевали пасти и рычали! Спинку трона украшали серебряные птицы, покрытые разноцветной эмалью, с глазами из драгоценных камней. Внезапно крылья птиц затрепетали, раздались трели и звонкое пение. Император начал подниматься вверх на троне к разукрашенному потолку. Откуда-то послышалось пение невидимого хора, восхвалявшего бесчисленные добродетели богоизбранного императора Византии.

Евнух расплылся в улыбке.

– Разве это не чудо? – прошептал он. – Разве Византия – не самое прекрасное место на Господней земле?

Ида и Мэйрин, как зачарованные, смотрели на императора и его трон, уже опускавшийся обратно, на пол. Группа евнухов повела посольство вперед; англосаксы трижды склонились перед императором Константином X, как того требовал официальный церемониал. Из даль-

него конца зала женщины не слышали, что при этом произносилось, но поняли – император благосклонно принял торговое посольство короля Эдуарда. Затем, повинувшись какому-то незаметному знаку, евнухи провели вперед Иду и Мэйрин.

Константин X был изумлен не менее своих гостей: он увидел, что слухи ни на йоту не преувеличили красоту английской девочки. Пожалуй, ее даже недооценили. Император не мог припомнить, чтобы ему приходилось видеть столь редчайшее совершенство черт. Он скользнул взглядом по лицам матери и отца девочки. Они тоже хороши собой, но все же император не понимал, как им удалось произвести на свет такое прелестное создание.

Откинувшись на спинку трона, он шепнул своему кузену:

– Ну, Василий, что скажешь? Она – более чем под стать тебе, хотя я и не думал, что такое возможно.

– Я тоже, – тихо ответил Василий. – Она – совершенство, Константин.

– Ваше величество, – произнес евнух, приблизившись к трону, – позвольте представить вам госпожу Иду из Эльфлиа и ее дочь, госпожу Мэйрин.

Мать и дочь трижды поклонились византийскому монарху, а тот проговорил:

– Приветствую вас в Византии, госпожа Ида. Слухи о вашей красавице дочери, к нашему удивлению, оказались правдивы.

– Истинную красоту не увидеть глазами, ваше величество. Она – в доброте сердца и христианском благочестии, – скромно опустив глаза, ответила Ида. – Я хотела бы, чтобы моя дочь обладала этими добродетелями. Надеюсь, что если ее запомнят, то именно благодаря этим качествам, а не красоте лица.

Олдвин удивился такому красноречию, но был весьма доволен мудростью слов своей супруги.

Священники, стоявшие у трона, наклонили головы; послышался одобрительный шепот. Церковь в Византии пользовалась огромной властью. И успех английского посольства во многом зависел от ее расположения. Священникам понравилась речь Иды, и теперь они благосклонно настроились по отношению к дипломатическим усилиям англичан.

– Подойди ко мне, дитя, – велел Мэйрин император. – Я не уступлю в любопытстве своим подданным при виде этих невероятных волос. – Он ободряюще улыбнулся девочке и протянул ей руку.

Мэйрин застенчиво поднялась по ступеням к императорскому трону. Несмотря на то что свита и окружение монарха держались величественно и надменно, сам Константин был с виду простым, дружелюбным человеком среднего роста, с усталыми голубыми глазами. Его нельзя было назвать непривлекательным, однако никаких особо приметных черт в нем не замечалось, за исключением чересчур длинного и тонкого носа. Волосы коротко острижены, на лоб спускалась челка. Аккуратная борода, как и волосы, была коричневатого с проседью цвета.

Константин снова улыбнулся, приподняв лицо Мэйрин за подбородок и взглянув в ее темно-синие глаза. Затем снял обруч и вуаль с ее головы и передал их слуге. Проведя ладонью по ее золотисто-огненным волосам, он взял двумя пальцами один локон.

– Мягкие, как пух чертополоха! Ах, если бы у моих дочерей была твоя красота и твои волосы! – воскликнул он. – Тогда бы я правил всем миром, дитя мое.

Мэйрин вспыхнула от столь неожиданного и изысканного комплимента.

Император усмехнулся и убрал руку с головы девочки.

– Думаю, ты – настоящая волшебница, дитя мое. В такой красоте наверняка таятся волшебные чары. – Он снял с пальца перстень с крупным бриллиантом, в глубине которого, казалось, горел оранжево-золотой огонь. – Возьми это на память обо мне, дитя мое, – сказал он Мэйрин. – Говорят, этот камень – настоящее совершенство, значит, он должен принадлежать не менее совершенной владелице. Когда ты станешь бабушкой, покажи этот перстень своим

внукам. Расскажи им, что когда-то в юности ты похитила сердце величайшего из монархов христианского мира и что он подарил тебе это на память.

Ошеломленная, Мэйрин пробормотала слова благодарности и, пятясь, вернулась вниз по ступеням к матери. Она вся дрожала и с удивлением обнаружила, что на глаза ее наворачиваются слезы. Она даже не помнила, как они вышли из тронной залы, и пришла в себя, когда они снова оказались в саду. В руке она крепко сжимала перстень с бриллиантом.

– Ты – счастливица, – сказала ей Ида. – И должна гордиться тем, что привлекла к себе внимание самого императора.

– Возможно, теперь ты поняла, – сказал Олдвин жене, – почему я до сих пор не подобрал Мэйрин жениха. Я знаю, все эти годы ты считала, что мною движет отцовская гордость, но это не так. Мэйрин – особый ребенок. Ее красота совершенно необычна. Мы, конечно, воспитывали ее как собственное дитя, но она происходит из куда более благородной семьи. В жилах ее матери текла королевская кровь. Если мы будем мудры и терпеливы, то найдем ей достойного мужа.

– Ты хочешь сказать, мужа-нормандца, – тихо уточнила Ида.

– Да, нормандца! А почему нет? Когда Вильгельм станет королем, нормандцы будут в чести. Нашей дочери будет хорошо с влиятельным и богатым нормандским лордом. Благодаря ее красоте мы породнимся с каким-нибудь блистательным семейством. И нашему сыну это пойдет на пользу. Быть может, удастся найти и для него жену из нормандцев. Пока что вся любовь Брэнда безраздельно принадлежит Эльфлиа. А нормандская женушка с богатым приданым в один прекрасный день поможет ему расширить наше поместье. Наверняка где-нибудь сыщется богач с любимой внебрачной дочерью, которую он захочет выдать замуж за уважаемого человека. Так мы породнимся со знатным родом благодаря Мэйрин и получим новые земли благодаря Брэнду. И наши дети будут прекрасно устроены.

– Я прежде и не подозревала, что ты настолько честолюбив, милорд, – с легким неодобрением заметила Ида.

– Времена меняются, жена моя. Англия уже другая, и те, кто не понимает этого, обречены. Я не желаю, чтобы мой род угас, а мои земли попали в руки чужаков, которые не будут так заботиться о наших людях, как я. Если мы хотим выжить, Ида, то должны идти в ногу со временем.

– Но я все равно не позволю тебе отдать Мэйрин человеку, с которым она будет несчастна, милорд.

– Я считал, что ты обо мне лучшего мнения, – упрекнул ее Олдвин.

Ида вздохнула так глубоко, что по всему ее телу пробежал трепет.

– Я уже больше ни в чем не уверена, – проговорила она. – Мы так далеко от Англии. Я соскучилась по Брэнду. И по Эльфлиа. – Но тут, взяв себя в руки, взглянула на мужа и натянуто улыбнулась. – Похоже, это путешествие не пошло мне на пользу. Я чувствовала себя куда счастливее, когда была простой женой мерсийского тана.

Олдвин успокаивающе обнял ее за плечи.

– Возможно, ты действительно была бы счастливее, если бы осталась дома, Ида, но, к сожалению, пройдет еще по меньшей мере два года, прежде чем мы сможем вернуться в Англию. Я бы не вынес такой долгой разлуки с тобой. Я понимаю, это эгоистично, но ничего не могу с собой поделать.

– Вся беда в этом городе, – сказала Ида. – Он такой большой и шумный! Такой грязный и многолюдный! Чем я стану заниматься, пока вы будете вести переговоры? Я не привыкла сидеть без дела.

Мэйрин, оправившаяся от потрясения и внимательно прислушивавшаяся к разговору родителей, вмешалась в их беседу:

– Мы будем осматривать город, мама. Здесь так много интересного! Вот увидишь, нам не придется скучать ни минуты!

– Но как же мы будем ходить по городу, если при виде твоих волос нас немедленно окружает толпа? – раздраженно спросила Ида.

– Я заплету косы и спрячу их под чепец, мама.

Ида улыбнулась и обняла дочку.

– Знаешь, по-моему, ты права. Я могла бы и сама догадаться. Ты становишься взрослой, Мэйрин.

Но за бодрыми словами в сердце Иды скрывалась боль, и Олдвин понимал это. Наверное, он поступил необдуманно, оторвав ее от привычного и знакомого мирка Эльфлиа. Он обвел взглядом императорские сады и зеленые всхолмья за Босфором. Возможно, удастся арендовать виллу где-нибудь за городом, подальше от дворца, чтобы Ида чувствовала себя уютнее.

Затем Олдвин перевел взгляд на дочь. Завтра 31 октября, Самайн, день рождения Мэйрин. Ему стало любопытно, где его дочь собирается разводить свой костер: Мэйрин до сих пор отмечала четыре священных праздника древних кельтов. Это было частью ее прошлого, и Мэйрин не собиралась отказываться от него, хотя во всем остальном превратилась в настоящую англосаксонскую девушку. Ни Олдвин, ни Ида не чувствовали себя вправе вмешиваться в жизнь приемной дочери в этом вопросе, однако здесь, в Константинополе, тан Эльфлиа все же недоумевал, как Мэйрин будет воздавать должное старинным традициям. Может быть, она позабыла об этом в суете и волнении?

Но Мэйрин все помнила. Несмотря на то что ее воспитали христианкой, она относилась с глубоким почтением к древней религии своих предков. Праздник Самайн знаменовал собой конец года в календаре друидов и считался самой могущественной и волшебной ночью в году. Полагали, что в ночь Самайна открываются врата между миром людей и миром духов, человек получает возможность встретиться с потусторонними силами. Христиане называли эту ночь кануном Дня Всех Святых. В то мгновение, когда солнце скрывалось за горизонтом, вспыхивали священные костры Самайна, символизирующие бессмертие огня человеческого духа. Считалось, что это время лучше всего подходит для благодарственных молитв.

Среди народа Мэйр Тир Коннелл рождение в праздник Самайна считалось чудесным предзнаменованием. Это означало, что ребенок получил благословение старых богов. «Возможно, это правда», – с тихой улыбкой думал Дагда, глядя, как Мэйрин готовится развести костер. В отличие от Олдвина Этельсберна Дагда ничуть не удивился, когда Мэйрин заявила, что нашла в императорских садах с западной стороны превосходное место для огня Самайна.

Его не удивило и то, что Мэйрин достала из складок туники кожаный мешочек, где лежали три деревянные щепки. Она благоговейно положила их на верхушку тщательно сложенного костерка.

– Дуб? – спросил Дагда, заранее зная ответ. Дуб – священное дерево друидов.

– Из дубравы в Большом лесу. Я не знала, когда вернусь в Англию, и на всякий случай взяла с собой тридцать дубовых щепок. Без дуба костер будет неправильным, Дагда.

Ирландец кивнул. Мэйрин никогда не забывала о мелочах.

– Интересно, – задумчиво проговорила она, – разводили ли когда-нибудь в Константинополе до меня огонь Самайна?

– Говорят, что наш народ явился из тьмы и, преодолев широкие степи к северу отсюда, рассеялся по Европе. Впрочем, я никогда не слыхал о том, чтобы кельты жили в Византии.

– Но теперь кельты в Византии есть, – тихо отозвалась Мэйрин. Взгляд ее был прикован к западному горизонту, куда уже собиралось закатиться усталое от дневного пути солнце в ореоле расплавленного золота и в алой дымке.

Дагда опустил на колени у маленького светильника, который они тоже привезли с собой из Англии. Его задача сложнее. Он должен, не отрывая глаз от солнца, в нужный момент под-

нести огонь к щепке в руках девочки. Мэйрин ничуть не сомневалась в том, что ему это удастся: Дагда обладал безошибочным чувством времени. Светильник коснулся щепки. Даже не взглянув на нее, Мэйрин знала, что она зажглась. И как только солнце исчезло за кромкой горизонта, она коснулась факелом костра, и языки пламени взметнулись к небу.

В императорских садах в то мгновение не было слышно ни звука. Ни один листочек не шелохнулся на деревьях. Казалось, будто весь мир внезапно погрузился в безмолвие. Застыли даже воды Мраморного моря. Дагда и Мэйрин стояли с закрытыми глазами, беззвучно вознося молитву. Но тут тишина наконец нарушилась: в костре затрещала ветка, охваченная огнем.

Дагда открыл глаза и посмотрел на Мэйрин.

– За всю свою жизнь, – проговорил он, – я никогда не слышу такой тишины, как в те моменты, когда ты зажигаешь костер. Особенно в этот раз. Это – напоминание о времени, когда ты появилась на свет.

Девочка улыбнулась ему.

– Я никогда не понимала этого до конца, Дагда, но в этих кострах есть что-то особое... – сказала она и, пожав плечами, умолкла. – Не могу этого объяснить, – добавила она.

– Это у тебя в крови, – отозвался Дагда. – Не так уж много времени минуло с тех времен, когда кельты поклонялись Матери и Отцу и всем их детям. Мы до сих пор помним, что бы там ни говорили христиане, – в деревьях и воде, в животных и всех живых существах обитают духи. Христос не запрещал нам верить в этих духов, но те, кто правит этой церковью, ревниво требуют от людей полного повиновения. И нам, госпожа моя, лучше всего делать вид, что мы согласны с ними, но продолжать поступать по-своему.

Небо быстро темнело. На синем бархатном покрывале, прямо у них над головой, загорелась одна-единственная яркая и холодная звезда. Мэйрин смотрела на оранжевое пламя костра Самайна, и мысли ее легко струились следом за чарующими извивами огня. Она сделала глубокий вдох и, выдохнув, почувствовала, будто начинает медленно подниматься вверх, покидая тело. Еще мгновение – и она свободно поплывет над землей, как бывало всегда в эту чудесную ночь.

На нее нахлынули воспоминания о том, как это произошло с ней в первый раз. Она только недавно научилась ходить; отец ее очень гордился тем, что его дитя унаследовало древний дар – волшебную силу, которая крепла в ней с помощью Дагды и старой Кателлы; силу, которая позволяла ей отличать в словах людей истину от лжи. Эта сила одарила ее способностью исцелять больных, а иногда позволяла заглянуть в тайны, скрытые от прочих смертных. Этой части своего дара Мэйрин боялась, потому что после того, как она уехала из Бретани, учить ее стало некому, а познания Дагды ограничены. Но она мудро держала эти страхи при себе: хотя она пользовалась своим даром только в добрых целях, многие люди стали бы сторониться ее, узнав секреты. Они называли бы ее колдуньей, ведьмой...

В ту секунду, когда сладостно воспаривший дух уже готов был обрести свободу от бренного тела, ее внезапно вернул на землю чей-то резкий окрик:

– Именем императора!

Мэйрин открыла глаза и испуганно огляделась по сторонам. В укромном уголке появился отряд варяжских гвардейцев. Она гневно воскликнула:

– Как вы смеете вторгаться сюда!

– Нет, девчонка, это ты сюда вторглась! Это – императорские сады, и ты – нарушительница! – раздалось в ответ. – Назови себя! Думаю, ты не имеешь никакого права находиться на этой территории.

Но прежде чем Мэйрин успела ответить, из теней выступил какой-то человек и произнес:

– Это леди Мэйрин, капитан. Дочь английского посланника. Удивительно, что вы не узнали по этим огненным волосам, о которых столько говорят в городе. Ей дозволено находиться здесь. Можете идти.

– Прошу прощения, госпожа, – извинился капитан варяжских гвардейцев. – Я всего лишь исполнял свой долг.

Он поспешно отдал честь, повернулся и двинулся прочь со своим отрядом.

Мэйрин обернулась, чтобы взглянуть на человека, пришедшего ей на помощь. Она заметила, что Дагда куда-то исчез, но знала – он поблизости.

– Благодарю вас, господин. – Она с признательностью взглянула на своего заступника. – Мы уже встречались с вами?

Она пыталась понять, что это за человек, которому с такой готовностью и без вопросов повиновался варяжский капитан. Свет от костра упал на его лицо, и у Мэйрин перехватило дыхание: такого красивого человека она не встречала в своей жизни.

– Я – принц Василий Дука, кузен императора, – ответил он. – Мы с вами не представлены друг другу, но, увидев вас вчера на приеме, я понял, что мы обязательно должны встретиться.

– В-вы видели меня вчера? – Язык не слушался, и Мэйрин разозлилась на себя.

– Я стоял справа за тронном моего кузена, – ответил принц. – Неудивительно, что вы меня не заметили. Трон Соломона – зрелище, способное приковать внимание надолго, особенно если видишь его впервые. – Он старался помочь ей взять себя в руки, и ему это удалось. – Скажите, – спросил он, – зачем вы разожгли этот костер?

– Это – огонь Самайна, господин. Когда мой народ поклонялся Отцу и Матери, по обычаю каждый год отмечалось четыре великих праздника. Имболк, после которого дни начинают удлиняться, означал окончание зимы и приближение весны. Бельтан возвещал возрождение жизни; Лугназад праздновался 1 августа в благодарность за богатый урожай; а праздник, который отмечается этой ночью, Самайн, – это конец года.

– Это не христианские обычаи, – заметил принц. – Я думал, англосаксы – христиане.

– Да, господин, англосаксы – христиане, как и мой народ, кельты. Но в том, что я делаю, нет ничего дурного. Я всего лишь воздаю почести традициям моих кельтских предков.

– Насколько я понял, ваш отец, Олдвин Этельсберн, – англосаксонский лорд.

– Олдвин Этельсберн – мой приемный отец, милорд. Моим родным отцом был Сирен Сен-Ронан, барон из Бретани, а матерью – Мэйр Тир Коннелл, ирландская принцесса. Бретонцы и ирландцы – кельтские народы, и я чту их старинные обычаи. Кроме того, Самайн – день моего рождения. Дагда говорит, что, когда я появилась на свет, волосы мои пылали, словно огонь Самайна. – Глаза ее блеснули при этих словах.

– А кто такой Дагда? – спросил принц.

– Дагда – могучий воин, которому мой дед-король поручил заботиться о моей матери. Когда она умерла вскоре после моего рождения, он стал заботиться обо мне по ее просьбе. Он всегда сопровождает меня, господин.

– Твои волосы действительно как огонь, – прошептал Василий. – Ты самая прекрасная девушка на свете.

Щеки ее покраснелись, но Мэйрин не знала – от костра ли, от слов ли, которые произнес молодой принц.

– Спасибо вам за эту похвалу, мой господин, – медленно отозвалась она. – Византийцы так легко бросаются словом «прекрасный». Я часто слышу его с тех пор, как попала в Константинополь. – Дагда снова вошел в круг, освещенный костром, и Мэйрин сказала: – Мне пора идти, господин. Благодарю за вашу доброту.

Но от принца оказалось не так легко отделаться.

– Пусть твой сторожевой дракон присмотрит за костром, – сказал он. – Я лично провожу тебя к твоим родителям, в Садовый Дворец.

Девушка не удержалась от смеха.

– Дагда – дракон?

– Но разве он не охраняет прелестную девушку от всех опасностей мира?

– Да, господин, – тихим низким голосом согласился Дагда. – Я готов отдать жизнь за мою госпожу.

Принц кивнул.

– Со мной она будет в безопасности, Дагда.

И, взяв Мэйрин за руку, он повел ее прочь от костра, в вечернюю мглу садов, освещаемых молодым месяцем. Хрупкая ладонь девушки была теплой. Василий чувствовал, как она слегка дрожит. «Какая юная, какая невинная, – подумал он. – Наверное, к ней еще не относился всерьез ни один мужчина». Что-то в его душе отзывалось на эту невинную прелесть, и Василий вспомнил те беспечные слова, что он накануне сказал императору: если она действительно окажется такой же красивой, как и он, то придется жениться на ней, и они произведут на свет не менее прекрасных детей.

Возможно, это были не пустые слова. В конце концов надо же ему когда-нибудь жениться, правда, до сих пор не встречалась женщина, привлекавшая его настолько, чтобы он был готов взять ее в жены. К своим тридцати годам он сменил много любовников и любовниц. Нынешний его любовник увлек принца сильнее прежних, но этот актер неимоверно ревнив. Василий незаметно улыбнулся в темноте. Он подумал, что Мэйрин не понравится Велизарию.

– Ты уже видела город? – спросил он девушку.

– Совсем чуть-чуть, господин. Люди толпами ходят за мной, чтобы потрогать мои волосы. Я сказала матери, что заплету их в косы и спрячу под чепец, чтобы мы спокойно могли ходить по улицам. Моя мать скучает по Англии, и надо хоть как-то отвлечь ее. Она ведь никогда не уезжала далеко от дома. Мне кажется, величие Константинополя несколько подавляет ее.

– Но тебя не подавляет? – Принц с интересом беседовал со своей новой знакомой. Она все время менялась: то – веселый ребенок, то мудрая не по годам женщина.

– Меня он взволновал, – призналась Мэйрин. – Лондон неприятный, унылый и дымный, но Константинополь – чудесный, яркий и праздничный город.

– Да, – согласился Василий. – Это – чудное место. Я здесь родился. Я покажу мой город тебе и твоей матери, – пообещал он. – Может быть, с завтрашнего дня и начнем? Здесь есть на что посмотреть, и у нас уйдет много месяцев, чтобы справиться с этой задачей. А когда мы завершим ее, возможно, ты уже не захочешь возвращаться в Англию.

Они добрались до Садового Дворца. Принц быстро поднес ее руку к губам, поцеловал и пожелал доброй ночи, а затем почти мгновенно растворился во тьме.

Мэйрин осталась стоять у входа, освещенного факелами. Принц исчез так неожиданно, что ей показалось, будто все это ей только почудилось. Она взглянула на свою руку, которую он так бережно держал в своей ладони и поцеловал на прощание. Сердце ее бешено стучало. В пляшущих отблесках огня Самайна она успела разглядеть совершенную красоту этого человека. Высокие, четко очерченные скулы, длинный прямой нос, узкие губы. Описать цвет его глаз она бы не смогла, но короткая борода и курчавые волосы принца наверняка темные. Голос его, густой и низкий, затрагивал что-то в самой глубине ее души. Мэйрин вошла в этот мир на праздник Самайна. Быть может, эта встреча с Василием Дукой тоже начало какой-то новой жизни? Мэйрин задрожала, хотя вечер был теплым.

Глава 5

Верный своему слову, принц явился на следующий день. Ида быстро поняла, что Василий Дука увлекся Мэйрин, а вовсе не горит желанием показать им Константинополь. Впрочем, он занимался этим с большим энтузиазмом, и вскоре голова Иды распухла от исторических сведений.

– Он меня измотал, – однажды вечером пожаловалась она мужу. Они прожили в Константинополе уже больше полугода. – Он – невероятно ученый человек, и Мэйрин очень нравится его общество.

Олдвин усмехнулся.

– По крайней мере во всем этом есть один приятный момент. У тебя не остается времени тосковать по Англии.

– Это верно, – согласилась Ида, – но я хотела бы недельку отдохнуть от этого принца с его прекрасным, но на редкость утомительным городом!

– Но нельзя оставлять Мэйрин наедине с Василием Дукой! – воскликнул Олдвин.

Ида ответила ему многозначительным взглядом.

– Я знаю свой долг матери, милорд, – фыркнула она. – И до тех пор, пока Мэйрин приятно его общество, я буду рядом с ними. – Она снова взглянула на Олдвина, и ее голубые глаза лукаво блеснули. – А известно ли тебе, милорд, что в Константинополе, как и в Риме, четырнадцать кварталов; и поскольку один из кварталов Рима расположен за Тибром, то один из четырнадцати кварталов Константинополя находится за Золотым Рогом, в Пере? А знаешь ли ты, милорд, что в Константинополе пятьдесят укрепленных ворот и стены длиной в тринадцать миль? И что благодаря огромным зернохранилищам и цистернам он способен выдержать любую осаду? Известно ли тебе, милорд, что большая цепь, протянутая через Золотой Рог, защищает Константинополь от нападения с моря?

Олдвин рассмеялся, а Мэйрин радостно подхватила:

– Знаешь ли ты, отец, что акведуки постоянно обеспечивают население города чистой водой и что в отличие от большинства городов Западной Европы под Константинополем тянутся трубы, выводящие из города отбросы? И в отличие от наших английских городов улицы здесь освещаются по ночам! Кроме того, действуют три общедоступные больницы, а в них работают женщины-лекари! Здесь есть пожарная бригада, а численность населения Константинополя достигла почти миллиона человек!

– Все это чудесно, – согласился Олдвин, – но я подозреваю, что принц куда больше интересуется тобой, чем всеми этими цифрами и фактами, которые он заучил, чтобы иметь возможность наслаждаться твоим обществом.

– Отец! – Щеки Мэйрин немедленно порозовели, но Ида уже была начеку.

– Откуда ты знаешь? – спросила она Олдвина. – Принц что-то говорил, милорд?

– Еще ничего, но он попросил меня о личной беседе и должен прийти сегодня. – Олдвин Этельсберн взглянул на дочь. – Ну, Мэйрин, что ты скажешь? Если он попросит твоей руки, ты выйдешь замуж за принца Василия? Ты сможешь быть счастливой здесь, в Константинополе? Мы с матерью уедем после окончания торговых переговоров. Но с этими византийцами уйдет еще несколько лет, чтобы уладить все дела.

– Мама говорила, что у женщины в жизни есть только два пути – или монастырь, или брачная постель, – сказала Мэйрин. – Я не чувствую тяги посвятить себя духовной жизни, потому готова выйти замуж за того, за кого ты отдашь меня, отец.

– Нет, Мэйрин, – тихо возразил Олдвин. – Рано или поздно мне действительно придется выдать тебя замуж, но я хочу, чтобы ты выбрала мужа по своей воле. Подумай об этом, Мэйрин.

– Королем Англии скоро станет герцог Вильгельм, и если я вернусь в Англию, то мне придется выйти замуж за нормандца, – ответила Мэйрин. – Нормандцы – гордые люди, а мое приданое невелико. В Англии у меня нет земельных владений. И если принц захочет взять меня в жены, то это наверняка будет лучшая из всех возможных партий. Ведь мне почти что нечего предложить мужу-нормандцу.

– Но у тебя есть красота, Мэйрин, – сказал Олдвин. – Найдутся мужчины, которые захотят обладать тобой, несмотря на скудное приданое.

– Меня будут любить, – отозвалась Мэйрин. – Разве этого мало?

– Не могу сказать, дочь моя. Я люблю твою мать, Сирен Сен-Ронан любил Мэйр Тир Коннелл, но для многих и многих людей брак – это всего лишь соглашение, по которому мужчина увеличивает свои богатства и земли. Однако если мужчина и женщина относятся друг к другу с уважением, то между ними зарождается дружба, которая нередко перерастает во взаимную любовь.

– Ты говоришь так, как положено англосаксу, отец, – ответила Мэйрин. – А нормандцы не уважают и не ценят своих жен так, как это принято в Англии. Возможно, я еще молода, но знаю, что женщины для них – это всего лишь красивые и желанные вещи и способ произвести на свет потомство. Ты умен, но выбор, который предлагаешь мне, – не настоящий выбор. Какой-то безымянный, безликий нормандец, который женится на мне за мою красоту, но будет смотреть на мое маленькое приданое с насмешкой и обращаться со мной, как с вещью. И принц Василий, у которого доброе сердце и который относится ко мне с почтением. Ну конечно, я выберу принца! Где я еще найду такого достойного супруга?

Ида покачала головой.

– Ты делишь шкуру убитого медведя, – с упреком сказала она мужу. – Принц всего лишь хочет поговорить с тобой, Олдвин. Он ничего не говорил о Мэйрин. Не надо внушать нашей дочери неподобающие мысли.

Олдвин Этельсберн улыбнулся.

– Если бы принц желал поговорить со мной о чем-то другом, то он сделал бы это без лишних предисловий. Но он сказал, что хочет побеседовать по личному вопросу. Что же еще его может интересовать, кроме Мэйрин?

– Я слышала сплетни, – сказала Ида. – Сплетни о принце и актере Велизарии.

– Уличная болтовня, – отмахнулся Олдвин. Ему было известно больше, но как он мог объяснить это своей простой, невинной Иде?

– Этот актер живет во дворце Буколеон, как и принц Василий, – резко заявила Ида. – Возможно, это просто сплетни прислуги, но в них есть доля истины, милорд. Имя Велизария часто звучит рядом с именем принца.

– Он – величайший актер империи. Император оказывает ему большие почести, а Василий – его друг, – сказал Олдвин. – Подобная дружба здесь – обычное явление. Это не мешает мужчине вступать в брак и быть верным своей супруге. Не забывай, Ида, что я жил здесь в юности. Я все знаю. В Константинополе в подобной дружбе не видят ничего необычного.

– Ты всегда ведешь себя так, словно Мэйрин принадлежит только тебе, – с легкой горечью заметила Ида. – Но я тоже люблю ее! Я хочу, чтобы она была счастлива, а твои слова беспокоят меня, милорд!

– О, не надо ссориться из-за меня! – воскликнула Мэйрин, обвив нежными руками шею Иды. – Мапочка, дорогая, если принц захочет взять меня в жены, я буду очень довольна. Он такой добрый, внимательный и веселый! Уверена, он сделает меня счастливой.

Ида откинула прядь огненных волос со лба дочери.

– Ты еще так невинна и неопытна, девочка моя, – тихо проговорила она. Мягко высвободившись из ее объятий, она снова обратилась к мужу: – Дай мне одно обещание, милорд. Если

принц действительно станет просить руки нашей дочери, то пусть подождет шесть месяцев. И если по истечении этого срока намерение жениться не пропадет в нем, то так тому и быть.

Олдвин на мгновение задумался, а потом спросил:

– У Мэйрин уже начались месячные?

Ида вспыхнула от смущения.

– Нет, милорд.

Олдвин кивнул.

– Тогда я учту твою просьбу. Действительно, пока нет смысла торопиться с браком.

Ида облегченно вздохнула. За полгода может случиться все что угодно. Кроме того, возможно, Олдвин ошибался. Возможно, принц вовсе не собирается просить руки Мэйрин.

Когда принц Василий прибыл в Садовый Дворец, Иды и Мэйрин там не оказалось. Ида была готова пойти куда угодно, лишь бы не встречаться с принцем в этот день. Поэтому, взяв с собой дочь, она отправилась на прогулку по императорским садам. Они любовались цветущими деревьями и весенними цветами среди фонтанов и прудов. Но затем к ним подошел раб и сообщил, что их ждут в Садовом Дворце. Сердце Иды оборвалось: она поняла – принц действительно пришел просить руки Мэйрин. Иначе они спокойно прогуливались бы в саду, пока Олдвин сам не вышел бы к ним.

Олдвин и принц Василий сидели в маленьком садике перед дворцом. Оба улыбались. Зенон наливал вино в четыре изысканных золотых кубка. Заметив Иду и Мэйрин, Олдвин поспешил им навстречу, взмахнув рукой.

– Иди скорее, жена! Сюда, Мэйрин! У меня для вас новости! – Он подождал, пока женщины усядутся рядом с ними на скамеечки с мягкими подушками, а потом заявил так, словно это было для них величайшим сюрпризом: – Дорогая моя, принц Василий просит руки нашей Мэйрин! Я, конечно, дал свое согласие. Это – великая честь для нас. Я не ожидал ничего подобного. Что ты об этом думаешь, Ида?

– Это действительно великая честь, милорд, – медленно ответила Ида, – но наша дочь еще не стала женщиной. Она слишком молода для брачного ложа.

– Ваш муж объяснил мне, насколько невинна Мэйрин, – успокаивающим тоном отозвался принц. – Я согласился подождать до тех пор, пока она не станет настоящей женщиной. Но свадьба состоится первого мая. И после свадьбы Мэйрин переедет жить ко мне, в Буколеон.

Ида метнула на мужа разгневанный взгляд; в ее глазах светился невысказанный вопрос. Однако она была слишком хорошо воспитана, чтобы унижать Олдвина упреками в присутствии принца.

– Все будет так, как пожелаете вы и мой супруг, – сказала она, – но если мне позволено спросить, то к чему такая поспешность? До первого мая осталось всего три недели!

Принц улыбнулся Иде, и его бирюзовые глаза потеплели от нахлынувших чувств.

– Я влюбился в Мэйрин с первого взгляда, госпожа моя. Вот уже целых шесть месяцев я вижу с ней почти каждый день во время наших прогулок по городу. Вы – очаровательная компания, но мне хотелось бы побыть с Мэйрин наедине. Подальше от чужих глаз. Как я могу рассказать ей о своей любви, если ее мать слышит каждое мое слово? За последние полгода я сочинил сотню любовных песен, но до сих пор у меня не было ни единой возможности спеть ей хотя бы одну из них. Мне нечем подкрепить мои слова, госпожа, но вы можете спросить любого жителя Византии, и любой подтвердит вам, что принц Василий Дука – честный человек. Я обещаю, что буду лелеять Мэйрин и заботиться о ней с нежностью и любовью. Я не причиню ей вреда и не допущу, чтобы кто-нибудь другой обидел ее. Я буду уважать и почитать ее до конца моих дней, если вы доверите мне это счастье.

– Вы победили меня, господин мой, – со вздохом сказала Ида. – Что я могу ответить на такие торжественные слова?

– Ответьте нам своим благословением, госпожа. – Принц снова улыбнулся ей.

– Благословляю вас, – сдалась Ида.

Олдвин Этельсберн поднялся со стула и помог подняться жене.

– Пойдем, Ида, – произнес он, уводя ее за собой из сада.

Василий и Мэйрин впервые остались наедине друг с другом после той ночи Самайна, когда он увел ее от Дагды и проводил домой.

– Ты молчишь, Мэйрин, – тихо заметил Василий.

– Но вы с моей матерью не дали мне возможности что-либо сказать, – ответила девушка.

– Ты довольна, что станешь моей женой? – Принц бережно взял ее за подбородок, слегка приподняв голову.

– Да, господин мой, – ответила она. – Но что, если бы я сказала «нет»?

– Я все равно получил бы тебя, – тихо ответил он, и Мэйрин заметила, что по его красному лицу пробежала тень.

– Но я еще не успела полюбить вас, господин, – настаивала она.

– Я научу тебя, Мэйрин. Ты уже когда-нибудь любила мужчину? Быть может, где-нибудь в Англии у тебя остался возлюбленный, о котором ты вспоминаешь с нежностью?

– Нет, господин, и никогда не было. Я не знаю, что значит любить мужчину. – Принц прочел по ее глазам, что она говорит правду.

Его рука ласково коснулась щеки девушки, он провел пальцами по ее коже, нежной, как лепестки роз, и слегка дотронулся до бархатистых полных губ. Мэйрин показалось, что ее пронзила молния. Глаза ее расширились от удивления. Легкая улыбка коснулась уголков рта Василия: принц понял, что она действительно никогда не была близка с мужчиной, и подавил внезапную дрожь. Его возлюбленная оказалась еще большим совершенством, чем он смел надеяться. Он сделает ее такой, какой хотел бы видеть. Он никогда не думал, что ему так повезет с женой!

В его апартаментах во дворце Буколеон было множество прекрасных и редкостных вещей, ибо принц Василий ценил красоту. В его владении находилась самая большая и лучшая в мире коллекция античных греческих ваз, и все без малейшего изъяна. Статуи, которые он тщательно и давно собирал, тоже были древними и безупречными. Кроме того, принц владел чудесной коллекцией драгоценных камней.

Будучи христианином, он имел право взять себе только одну жену. И Мэйрин с ее совершенной красотой могла по праву занять центральное место в его коллекции, стать несравненным украшением его дворца, способным вызвать зависть и восхищение у любого посетителя. Глядя в ее прелестное лицо, принц чувствовал, как в нем поднимается волна желания. Кто знает, когда он получит возможность насладиться ею? Но ожидание только разожжет страсть. Тонким пальцем он провел по ее соблазнительно очерченным, изящным губам. Влажные губы слегка приоткрылись. Принц видел, как под скромной туникой с высоким вырезом вздымается и опускается грудь, как дыхание ее учащается под его ласками. Взгляд его бирюзовых глаз задержался на темно-синих глазах Мэйрин. Медленным, завораживающе томным движением он провел пальцем по нежной, чувствительной коже ее губ.

– Тебя когда-нибудь целовал мужчина? Не отец, не брат, не родственник, а возлюбленный? – спросил он.

– Нет, – ответила Мэйрин, слегка задышавшись. – Я же говорила вам, господин, что у меня еще никогда не было возлюбленного. – Под его пристальным взглядом она стала дышать еще чаще.

– Тогда я буду единственным счастливецом, которому удастся похитить твои сокровища, Мэйрин. У тебя очень чувственный рот, любовь моя. Он может толкнуть мужчину на безрассудство.

Подавшись вперед, он прильнул к ее губам. Нежная плоть невинно уступила его натиску, и лишь опытность Василия в делах любовной страсти помогла ему сдержаться и не овладеть Мэйрин тут же, прямо в саду.

Мэйрин же показалось, что внутри нее что-то взорвалось, разливая по жилам пылающую истому, заставляя сердце обезуметь и пуститься вскачь. И глаза принца обещали ей поведать еще много тайн неведомой доселе страсти. Мэйрин понимала, что он видит ее желание, но в своей невинности и не подумала скрыть его.

– Я пообещал твоим родителям, что не овладею тобой до тех пор, пока ты не станешь женщиной, Мэйрин, – тихо сказал принц. – Но, дожидаясь дня твоей зрелости, мы сможем доставить друг другу наслаждение иными путями. Я научу тебя, как дарить и принимать страсть. Ты ведь не станешь бояться меня, любимая?

– Нет, господин мой. – Она старалась перевести дыхание, но грудь ее словно сжала железным обручем. Голова кружилась. По правде сказать, она все же немного боялась при виде столь внезапной и неприкрытой страсти этого мужчины, но не хотела признаваться в этом: ведь он так нежен с нею!

Впрочем, Василий все это понимал. Он попытался успокоить ее:

– В желании, которое вспыхивает между мужчиной и женщиной, нет ничего дурного и неестественного, Мэйрин. Тебе страшно только потому, что ты еще незнакома с ним. И это правильно для столь чистой и невинной девушки, как ты. Я никогда не причиню тебе боли, Мэйрин. Поверь мне и доверься, любимая моя.

Мэйрин проглотила комок в горле. Щеки ее пылали.

– Я верю вам, господин.

Он снова приподнял ее подбородок и, улыбнувшись, еще раз поцеловал в губы.

– Первого мая ты станешь моей женой, моей принцессой.

– Бельтан, – проговорила она. – Праздник посевов, праздник цветения. Кельты всегда играли свадьбы в этот день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.